

Алексей Иванов

ЖИЛИ-БЫЛИ

БЫЛИ-ЖИЛИ

18+

Алексей Алексеевич Иванов
Жили-были... были-Жили

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41899036

SelfPub; 2019

Аннотация

Повесть о жизни простого человека в период смены исторических эпох, хозяевах жизни, новых героях и новых кумирах, написанная раёшным стихом с иронией, юмором, сатирой и сарказмом.

Содержание

1. Дело было по весне	4
2. Сила слова	50
3. Идёт волна	69
4. Фанфары прозвучали	100
5. Дороги русские	127
6. Последняя причина	150
7. День огорода	169
8. Генштаб в заботах	224
9. Марата житие	236
10. Покров	243
11. Новый праздник	250

1. Дело было по весне

(быль и небыль)

Как-то раз явилось мне —
Может, было всё во сне,—
То ли сказкой это было,
То ль с гнилой водою плыло,
Может, с горького похмелья,
Может, с буйного веселья,—
Не берусь я утверждать,
Явно так – ни дать ни взять!
В красках, в лицах и в деталях,
В чётких контурах предстали —
Не картинами Дали,
А реальными, вблизи:
Люди, звери, персонажи,
И один политик даже
Ублажал электорат.
В сказки верить всякий рад!
Наострили в стойке уши —
Обещания послушать:
Старики и детвора,
Куры с крытого двора,

Утки, бабы, поросята,
На заклание ягнята,
Беспризорный пёс Барбос —
Всё мечтал задать вопрос,
Внучка с города большого,
Даже стельная корова
Удосужилась, пришла,
Наплевала на дела.
Было, было, было, было!

Когда соврү – кричи: «На мыло!»
Сочинять мне не резон —
Пусть, короче, будет сон.

.....

В этом чудном, славном сне
Дело было по весне
На окраине деревни,
По приметам внешним – древней,
Где история хранит
Славы канувшей зенит —
Память о годах минувших —
В дне сегодняшнем ненужный,
Проржавевший зерноток.
(Есть тут хоть один знаток?)
Снег давно уже растаял,
Облупилась краска ставень,
Облетела шелухой,
Песню спев за упокой
Дому ветхому из брёвен.
Если скажешь, что он скромн,
То, считай, не говорил.
Прапрапрадед Гавриил,
Народившийся, с пелёнок,
Доживал в нём век с Матрёной,
Ставшей верною женой.
Век давно уже иной!

На завалинке у дома,
Где рассыпана солома,
Примостился дед с клюкой,
На ухо одно глухой.

Валенки зимы прошедшей
Сели плотно и навечно.
Их носить ещё, носить!
В них гулять и в них косить.

Правда, дед уже не косит,
Но, бывает, если спросят,
Закосит под дурачка,
Чтоб не лезли с кондачка.
Ну а если кто серьёзно,
С уваженьем, просит слёзно —
Может многое узнать:
Батьку помнит... помнит мать,
Как с утра она будила.
В нём тогда бурлила сила
Жеребёнка... не коня,
Радость детскую даря...
Помнит, как работал в поле,
Как учился плохо в школе,
Выбегая в перемену покурить
До сортира... да воды с ключа попить;
Как в войну хлебнули горя
Беспредельного... и море
Показалось бы в сравненье озерцом,
С перекошенным в страдании лицом;
Как домой отец вернулся,
Весь израненный, больной,
Как осунулся, согнулся
И ушёл под осень в мир, нам чуждый, в мир иной,
Здесь оставил мир сиротам и супружницу вдовой...
Помнит, как была «фазанка»,

Приютившая подранка,
Давшая профессию «шофёр»;
Благодарен он «фазанке» до сих пор...
Помнит все большие стройки,
Результаты перестройки —
Благо, тогда пенсия пришла,
Скрасила, хоть и немного, невесёлые дела;
Возвращение в деревню,
Где в наследство – домик древний.
Дед по-своему умён:
Много помнит он имён
Тех, кого давно забыли,
Изваляли в грязи, в пыли,
Пнули пару раз ногой,
Проверяя: «Что, живой?!»
Он – потомок Гавриила.
Где по свету не носило —
Воротился в дом родной,
Престарелый и больной.
Собачонка возле ног,
По всему видать – щенок,
Веселится так, играет,
Треплет валенок, кусает,
Озираясь с подозреньем на клюку.
Вдаль летит: «Ку-ка-ре-ку!!!» —
Из соседского сарая.

Постепенно нарастая,
Гвалт пронёсся по селу.
Не поймёшь, где «ка», где «ку».
Какофония возникла.
Матюгнулась бабка Вика,
Погрозила деду кулаком
В доме старом, за проклеенным окном.
В чём тут дедова вина?
Трезвый он! Не пил вина!
Мух на солнышке считает,
Смотрит, как надежды тают —
На приплод, на урожай... колосится только рознь,
Не совсем слепой, небось.
В этом мире всё не ново:
Ведь в начале – было слово!
Дед его не говорил.
Чем он бабку прогневил?
Безобиднейшее слово!
Безобиднейшее слово,
Что у всех давненько на слуху,—
Повторюсь: «Ку-ка-ре-ку!»
У бабки злой – вот где досадно! —
Есть оправдание: «Чтоб неповадно!»
Когда бы фельдшер даму осмотрел —
Облегчил словом дедушки удел:
«Ты потерпи, милоч, не обижайся, ладно?»

Стара она... неадекватна».

Так разве можно нынче фельдшера найти?

К нему, родимому, три дня пути:

По грязи день, ещё один – по буеракам,

И под конец – денёчек трактом.

Похоже, деда Божья Матерь берегла:

Поблѣкший взгляд рукой усталой отвела.

.....

В делах кипит, строгаёт баба Вика,

Идея у неё на днях возникла:

«Бензина нет, и по дешёвке не достать,

А для коня овса немало припасать.

Не проще ли, с утра поевши супу,

За пару-тройку дней построить ступу?»

Рассчитывала – дед ей подсобит.

«А он, как пень, всё на завалинке сидит!

Ведь был когда-то неплохой работник!

По книжке трудовой был даже плотник.

Но говорит: „Предчувствую беду!

Я по дорожке этой скользкой не пойду!“

Сидит! Не окочурится, вражина!

Пусть грязью бы забрызгала машина!

И как с таким бараном дальше жить?

Лишь остаётся кулаком в окно грозить.

Ведь ступа позарез нужна в хозяйстве!

Кто домовит и не замечен в разгильдяйстве,

Всегда найдёт чем ступу загрузить:
На ней возможно сено привозить,
Слетать в лесок соседний за грибами,
Дождя стряхнуть из туч под небесами...
Поближе к грядкам только надо подтащить.
Со ступой проще... много проще жить!
До магазина можно в пять секунд добраться,
В домашнем быть, не переобуваться!
До фельдшера совсем подать рукой —
Всего лишь час из дома по прямой!
К детям и внукам в город прошвырнуться —
За день, пожалуй, можно обернуться.
Так этот заупрямился баран!
Хоть трезвый – а как будто пьян!» —
Такие мысли в голове у бабы бродят
И выход свой, естественно, находят.

.....

По улице, ещё пустой, деревни
Идёт, шатаясь, покупатель первый —
С позавчерашнего изрядно пьян.
Зовут Иваном... из потомственных крестьян.
А то, что выпил, – был веский повод:
Он оприходовал с дружкой какой-то провод,
А бизнесмен Петров немножко заплатил.
Лишь половину Ванечка пропил.
Дружок устал и отдыхает.

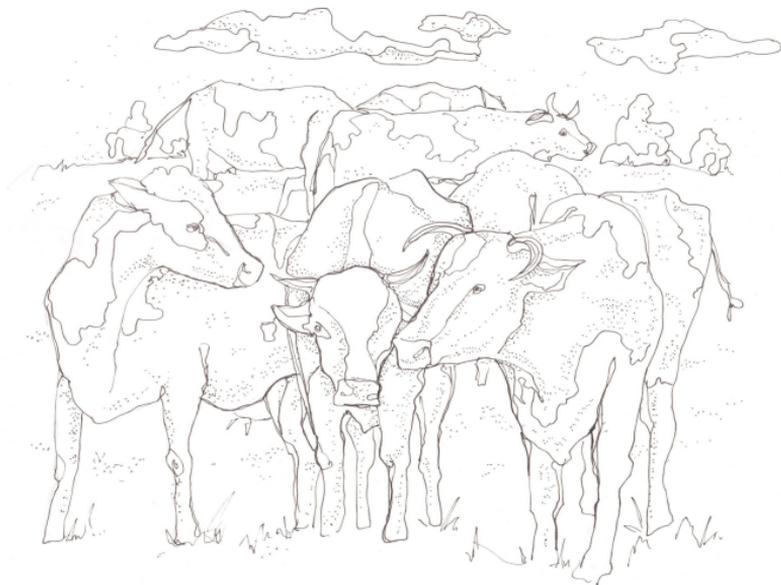
Природа здесь вокруг благоухает,
И воздух свежий без вина пьянит —
Вот Колька надышался и бубнит
Себе под нос полнейший бред,
А пел когда-то клёвый рэп!
Потом утратил зуб в работе —
Так занесло на повороте,—
Нажил проблемы с буквой «рэ»,
И с буквой «ша», и с буквой «пэ».
Текут рекой блатные песни:
Слов не понять, без слов – неинтересны.
Скрипят пружины в унисон...
Шансон...

С лучами первыми и проблеском зари
Ивана разбудили петухи.
Крестьянские проснулись в нём заботы.
Всегда он помнит, «для чего» и «кто ты».
Сейчас торопится, спешит до магазина,
Не видит, где трава, а где грязина,
Но деда со щеночком лицезрит —
Что он живой и на завалинке сидит,
В ушанке старой,
Глядит устало.
– Здорово, дед Степан!
– Здоров, Иван! —

И в продолжение, как будто пан: —
Ты огород, Иван, намерен подымать? —
И, словно эхо, отзовется: «...мать-мать-мать».
Растает след от нашего Ивана,
С душой горящей, поднявшегося рано.

.....

Выходят из ворот неспешно,
Хвостами машут и жуют небрежно,
Всем видом однозначно говоря:
Политика бурёнушкам – до фонаря.
Другие, поважнее, есть заботы:
Отёлы, выгулы, деревня, огороды.

И наплевать на мировую кутерьму:
«Здорово» – «МУ», ответно – «МУ».
Чуть в стороне, гораздо тише,
Чтоб, не дай Бог, кто лишний не услышал
Главнейшие секреты на земле:
«МЕ-Э-Э-Э!» – «БЕ-Э!» – «БЕ-Э-Э!» – «МЕ-Э!»
Глазами встретились, отметились с кем надо,
Пошли на выпас – большое стадо.
Полна житейскими делами голова.
Как человеческая, слышится молва:

- МУ-У-У, что там, родила соседка Зорька?
- МУ-У, нет пока... через неделю только.
- МУ-У-У-У-У, как же надоело, право, ждать, МУ!
- Не приведи... МУ-У-У! Ни ждать, ни догонять, МУ.
Ты МУ-У-У-У-Ужика еёйного видала?
- Надысь гулял... с другой у сеновала.
- МУ-У-Урло!!.. и недалёкого ума!
- МУ-У, насмешила... Ха-ха-МУ-У-У-ха.

Идиллию подруг нарушив,
Подходит бык, в серьгах все уши,
В наколках, будто бы сидел,
Известный всем в деревне бракодел.

Болтун такой, каких не сыщешь!
За ночь берёт не меньше тыщи,
А дел не сделает и на пятьсот.
Лишь треплет, не закроет рот.
Сам весь лоснится, столько форса!
Привык по жизни плыть альфонсом.
– МУ-У-Ужайтесь, тёлки!
Не видеть больше света нам в светёлке!
Нежданная нагрянула беда:
Какой-то гад недавно срезал провода!

Донельзя эти воры обнаглели!
Поймал бы – придавил рогами к ели!
Ведь эти сволочи, поганые скоты,
Дождавшись непроглядной темноты,
Стащили даже с клуба трансформатор!
Их энергетики в сердцах покрыли матом,
Пожалуй что, в четыре этажа.
Ещё кричали: «Резут без ножа!»
Вот облажались!
Всё сокрушались,
Как обычно: «...мать-мать-мать!..
И где теперь всё это доставать?!»
У них, кричали, в кассе нету денег,
А на починку дали только день им.
Чего так было попусту орать?
Поуспокоились... уехали искать.

Одна из тех, что побойчей, – Матильда-тёлка,
Встрянув жеманно длинной чёлкой,
Состроила красавчику глаза —
В них отразилась небосвода бирюза:
– Теперь понятно, почему вчера, без света,
Хозяйка притащилась с сигаретой,
Подойником рассерженно гремя.
Ведь некурящая! Чего трепать зазря?!
Впотьмах обмыла нежно вымя.

Блаже-е-е-енственно! Я даже чуть завыла.
МУ-У-Урашки побежали по спине.
Интимно так!.. Как в западном кинe.

Ползёт уверенно к зениту солнце,
Звучит литаврой голос старого альфонса,
То бьётся барабанно в вышине,
То ручейком струится в тишине:
– **МУ-У-У**, как ты легкомысленна, девица!
Тебе, как курице голодной, просо снится!
А нет бы постоять, поговорить...
– Дак я ж согласна!.. кабы не платить.
– Опять про деньги!.. Ну и дуры эти бабы!
Одно в коровьей голове! Всё остальное – абы кабы!
Что значит – недодадено ума.
Зато потребностями полнится сума.
Всё, что сказал, держите за зубами!
Остаться всё должно промежду нами.
Базар cedите, не болтайте нико**МУ-У**!
А то отправитесь... за мной на Колы**МУ**!

И снова: «**МУ-У!**» —

Ответно: «**МУ-У-У!**»

С мычанием прошло большое стадо.

Глазами проводил... работать надо.

Такой несведущий – смотрю и не пойму,

Как много может значить слово «МУ».

.....
Течёт обычный день простой деревни.

Кидают тень от крон дерева,

Но пахарю в ней некогда сидеть:

«Запрячься надо – и успеть

Вспахать у дома двадцать соток,

Потом два огорода дальних тёток —

Какой ни есть, а всё ж калым,

Чуть-чуть заплатят, хоть и родственник я им».

Чернеет полосой земля за плугом...

«Прошла твоя, лошадка, удаль.

Но лямку тянешь и ярмо,

Смирилась с этой участью давно».

По вспаханному шествуют вороны

В костюмах чёрных и глядят сурово:

Всё правильно ли делает мужик?
С землёй работать может?.. не отвык?
По-деловому, словно бригадиры,
Боясь запачкать новые мундиры,
Посоветались, грозно крикнув мужику,
Перекусили, что подали, на бегу
И снова побежали мерить пашню,
Забыв про отдых и бедлам вчерашний.
Снуют скворцы, шныряют воробьи —
У них заботы и дела свои.

От «бригадиров» держатся подальше:
«Да ну их к лешему! им кланяться нижайше.
Начнут свои советы раздавать:
Как нужно жить, что делать, как пахать,—
Примерно так ответил бы вам каждый,
Когда б спросили вы однажды
Хоть одного из копошащихся скворцов
Или мелькающих с добычей воробьёв.—
Без них своих проблем по горло!!
Орёт весь день голодных прорва.
Лишь успевай, родимый, мышковать.
Не разлежишься! В пять утра вставать.
Паши, как вол, с рассвета до заката,
Что раздобудешь – твоя зарплата.
Потом смотри птенячы куражи:
Найди, обмой и в рот им положи!
Повырастают, махнут крылами —
Только видали за облаками.
Крестьянская ты доля птичья нелегка».
А мысли мрачные не отпускают мужика:
«Лошадка бедная едва уж тянет,
Похоже, скоро день настанет
Пойти в убой, на колбасу.
Как этот день перенесу?
Мы ж вместе с ней растили деток.
Уехали давно... в деревне нет их.

А помнится, катались на санях —
Восторга сколько было в их речах!
А детский крик какой стоял на улицах деревни! —
На днях Глава сказал, что очень древней.
Архивы в городе какие-то достал.
Заняться нечем – вот... наковырял.
Грозится юбилей устроить всем на славу.
Всё деньги клянчит – нашёл забаву.
А праздновать прикажете кому?
Когда б почивших пригласить к столу,
Тогда бы точно получился праздник людный.
Прости мне, Господи, за бред мой безрассудный».
Припомнив Господа, мужик остановился,
Как будто внутренне, в душе, перекрестился.
– Тпру-у-у!.. Погоди, родимая... постой.
Давай передохнём-ка мы с тобой.
Послушная остановилась лошадь.
Трудись-трудись, а передых положен:
Так было в жизни испокон веков,
От прадедов и наших стариков.
Бока трясутся, лошадь дышит тяжело.
– Такая доля... терпи, бедняжка,—
Семён похлопал влажные бока,—
Моя планида тоже нелегка,—
Погладил морду, потрепал ей чёлку.—
Ничё, родимая, что ныть без толку?

Не в первый раз нам жили рвать – поди, не сдохнем.
Пойду воды хлебну – во рту всё пересохло.

По полю вспаханному медленно пошёл,
Чтоб убедиться, всё ли хорошо,
Не слыша криков, не смотря на «бригадиров» —
Ему плевать, что чёрные у них мундиры.
В разводах белых и в поту его рубаха.
Но нет в нём страха.

По дому в хлопотах любимая жена,
Проворна... и, как в юности, нежна.
– Устал, наверно?
– Не так чтобы безмерно...
– Работаешь, как вол, под солнцем и дождём.
Когда ж с тобой, Семён, мы отдохнём?
– Ты, мать, погодь ещё немного —
Не кончилась у нас с тобой дорога.
Покуда есть дела – нам внуков подымать.
Вот упокоимся – там будем отдыхать...

И вновь ложится полоса за плугом,
Ещё роятся в голове слова супруги.
Как при болезни – и шатает, и знобит,
А Неля с болью в сердце говорит,
Тяжёлым вздохам лошадёнки внемля:
«Сейчас как будто вымерла деревня:
Одни старухи, старики
Да пьющие без меры мужики.
Бабёнки держатся ещё немного,
Но им всегда – за мужиком дорога.
Потрепыхается, попробует корить,
А там на пару... с непутёвым будет пить.
Работать некому. Кто мог – уехал в город:
Что здесь торчать, когда здоров и молод?

Спиваться? Или горб себе растить?

Язык не повернётся осудить.

Совхоз здесь был – была работа

В страду, как водится, аж до седьмого пота.

И ферма, и свинарник – всё было!

Промежду пальцев, как песок, ушло».

Увидел вдруг Семён за огородом,

Где извивается, скрываясь в лес, дорога,

Останки крыши без досок —

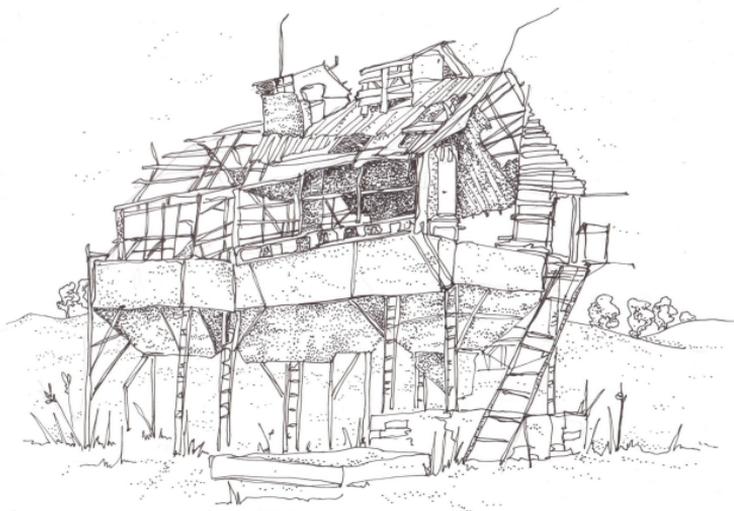
Совхозный прежде зерноток,

И пробежал разрядом ток:

Ведь там была его работа!

Все механизмы – его забота.

На протяжении уборочной страды

Он только там – и от зари, и до зари.
И с ног порой с усталости валился.
Как праздник, выходной законный снился.
Он там впервые Нелю увидал,
Зашла зачем-то по делам.
Совсем девчонка...
И собачонка
Какая-то прибилась к ней,
И звали просто собачонку, без затей, —
Как вроде Жучка.

А может, Злючка?

Любила всех она зверей —

Не зря же вышла из дверей

Аграрного университета.

«Где времечко былое?.. Где ты?

Мой техникум и служба за плечами.

На Новый год пришёл к ней со свечами...

Почти полвека пролетело одним днём,
Как с Нелей душа в душу мы живём.
Хотя, конечно, перекаты были,
Но мы их добросовестно забыли.
Детишек народили – аж троих!
Всех обучили, и не хуже остальных.
Теперь лишь изредка появятся на праздник.
А старший внук – такой проказник! —
Любитель поскакать на лошади в седле.
Приехать обещались в сентябре.
Быть может, погостят недельку,
Помогут с огородом бабке Нельке,
Картошки с банками в свой город наберут —
Награду нашу за крестьянский труд».
Остановилась лошадь, дышит тяжко.
Прошли с хозяином в одной упряжке,
Вспахали, взборонили огород.
Дай Бог, чтоб не случился недород!
Распряг Семён свою лошадку,
Отвёл её, ступая шатко,
До луга, под ноги глядя.
Погладил по спине, негромко говоря:
– Ну, отдохни, лошадушка родная.
Устала ты, хорошая... Я знаю.

Два огорода нам осталось пройти.
Хоть тяжело – другого нет у нас пути.

Маршрут обратный, до усадьбы...

Сосед Иван горланит песни, как на свадьбе,—

Опять останется непахан огород.

Работать некогда ему, хоть дел невпроворот —

Четвёртый год на огороде лишь бурьяны.

Когда пахать, садить – он непременно пьяный.

По всей округе семена от сорняков летят.

Такой сосед... Кто будет рад?

Семён глядит тоскливо, без укора:

«Опять нажрался... обнимается с забором».

– Иван! – окликнул пахарь никакущего Ивана.—

Который день сегодня пьяный?

– Ни спра-аш-ш-шивай... Си-имён,

Ни-и... помню... я ври-имён,—

И руки держит на заборе, как распятый.—

А впро-очим... впрочим, ка-аж-жыца... сиводня пятый...

Но-о!!!.. зафтра... обищ-щяю завизать.

– Ты землю, парень, думаешь пахать?

– А чё-о тебе... мая зимля?

Спать... ни даёт спакойно... бля?

– Давай в субботу я вспашу тебе бесплатно.

– Паш-ш-ш-шол ты!.. Ладна!

Не помнит зла крестьянская душа:

Ни почестей не надо, ни гроша.

.....

Сегодня в клубе, почти забытом,

Но по такому случаю открытом,

Глава собрал всеобщий сход,

И неходячий – и тот идёт.

События другого нет важнее,

Ведь безнадёга – петлёй на шее.

Уже давно вопрос стоит:

Деревне быть или не быть?

Спивается когда-то крепкая деревня,

На кладбище переезжает, под деревья,

Где будет кроной шелестеть...

И грустно петь.

Уже собрался хор великий,

Разноголосый, многоликий.

Когда о доле своей тяжкой запоёт —

Господь простит и снизойдёт.

Уселись на скамейках люди,

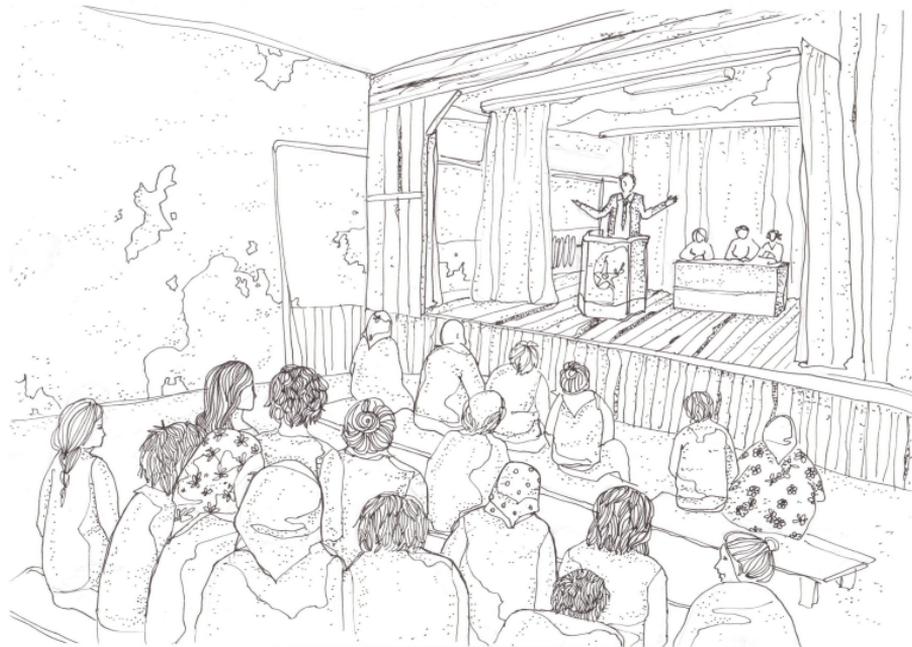
Ведь разговор нелёгким будет...

Открыл собрание Глава —

Он всей деревне нашей древней голова.

Бывает, врёт, как мерин сивый,

А так-то он мужик красивый.

В последний год, бедняга, похудел,
И облысел, и зачерствел:
Ну мыслимо ли? Где набраться силы
Сидеть безвылазно в архиве?
Ему стал город как родной,
На выходных лишь выбирается домой,
Когда закрыты городские службы
И в городе сидеть ему без **н**ужды.
Без продыху работает мужик!

Силён как бык... и отступить он не привык.
Наделал справок много разных, интересных,
Во всех подробностях, доселе неизвестных.
«Бумаги важные архив хранит»,—
Глава в деревне говорит.
Теперь высоким людям справки кажет,
У губернатора бывал уж не однажды.
Грозится нам устроить юбилей.
Ну помощи ему, любителю затей.
Кабы не он – остались бы невежды,
В дерьме... и прозябали без надежды.

– Что вам скажу – совсем не бред!
На этот год деревне нашей – триста лет!!
Немыслимо себе представить!
Ведь все считали – ста нет.
Мы можем с гордостью на мир смотреть:
Три сотни лет!! Безумный может одуреть!
Вы представляете? Нас мама не родила,
А здесь деревня наша уже была!
Пусть разлетается по свету эта весть!
Я весь горю... я переполнен весь
Восторгом!
Ждать совсем не долго —
По осени отметим юбилей.
Пусть курят фимиам, бальзам готовят и елей.

Программа праздника готова:
ДЕНЬ ОГОРОДА – его основа
Для знаменательных торжеств.
Наш губернатор сделал жест —
Наложил визу на бумагу,
А также к памяtnому знаку
Претензии не предъявил,
А лишь с намёком пошутил:
Готовь, мол, дырку для награды.
Я думаю, вы тоже рады
Из первых уст узнать благую весть.
Я весь горю... Я переполнен весь!
До юбилея дел у нас немало.
Напрячься надо, чтоб деревня краше стала.
Дрова всем нужно с улицы убрать,
У дома подмести – ведь нам гостей встречать.
Из области приедут, из района
На завершение осеннего сезона,
Соседи с ближних и далёких деревень.
Работать надо – дорог каждый день!
Строители на днях должны на клуб заехать.
Работы много... будет не до смеха.
За лето клуб необходимо возродить,
Музей героя ссыльного торжественно открыть.
Нашли в деревне краеведы домик старый,
В нём в ссылке жил Марат Казявин,

Известный героический герой,—
Вон домик маленький под старою сосной!
При коммунистах было или
При царе – заторопились,
Не сказали мне.
Пообещали информацию к зиме
Собрать, подшить, с курьером мне отправить —
В музее сможем мы её представить.
За всё, конечно, нужно заплатить,
Но память о героях нам хранить!
Нельзя нам жить одними лишь деньгами,
Обкрадывать себя перед детьми
И обрывать связующую нить!
На эту тему можно долго говорить...
Безродными бывать нам не пристало.
Прошли те времена! И можно стало
Открыто своё мнение выражать:
Кого нам чтить, любить и уважать.
Нам нужно сделать памятную доску
И навести по дому лоску.
Проект музея, в общем-то, готов,
Осталось лишь найти инвестор^{ов}.
Но, думаю, проблемы здесь не будет.
Не сгнули в районе люди,
Кто помнит, чтит историю страны
От дней вчерашних до глубокой старины.

Пообещал помочь наш благодетель —
У нас в деревне жил его родитель —
Крупнейший бизнесмен,
Сторонник перемен,
Известный меценат у нас в районе.
Прошу прощенья... он на телефоне.
Я на минуту отлучусь,
Отвечу и сразу же вернусь.

Дымят мозги у жителей деревни —
Моложе, чем она, но тоже древних.
От перспектив захватывает дух
У мужиков, бабёнок и старух!
Такие планы нарисованы Главою!
Мужик он пробивной и с головою.
И хочется два века жить!
Всё потому, что можно не тужить.
Нет оснований никаких, чтоб сомневаться:
Его прожекты к юбилею воплотятся
Во всём величии момента... и тогда
Возникнет смычка капитала и труда.

Глава вернулся на трибуну – весь сияет.
Живот он подтянул – грудь выпирает.

– Не зря народа мудрость говорит,

Что на ловца и зверь бежит.
Петров Богдан Ильич мне отзвонился,
Сказал, что по деньгам определился.
Всех поздравляю!.. Музею быть!
Такая радость!.. Не позабыть!

По клубу пронеслась волна восторга.
Осталось ждать совсем недолго,
Когда наступит долгожданнейший расцвет
И мракобесие заменит свет.
«Ура!» – кричали посредине зала,
И сила звука только нарастала,
Пока не грянуло могучее: «УРА!!!» —
С мычанием коров слилось: «МУ-У-Ура!»

– Ещё осталось три вопроса...
Чья там дымит в проходе папироса?
Тушите!.. Не хватало здесь пожара!
Как будто мало мне весеннего кошмара,
Когда кругом всё полыхало и горело!
И чудо, что деревня уцелела...
Нам нужно жителя почётного избрать
И почести торжественно воздать
Во время юбилея,
В виду имея
Страницы славные фамилией открыть,

Чтоб передать потомкам нить
И сохранить историю деревни,
Как все мы знаем, очень-очень древней.
Прошу кандидатуры предлагать.
– Симёна надо выбирать! —
Раздался голос из середины зала —
То бабушка какая-то сказала.—
Он и в совхозе михаником пахал,
Мужик непьющий, работающий, не нахал.
В деревне бабкам огороды пашет
Почти задаром,
А не с тройным наваром —
Не то что рвач безбожный Пашка.
– Ещё какие будут предложенья?
– Петрову надо оказать нам уваженье! —
Так засветилась активистка и вдова,
Которая всегда во всём права.
– Так он, Петров, в деревне не живёт,—
Роптал в недоумении народ.
И этот ропот расползался в зале,
Но на трибуне – не замечали.
На ней вещал когда-то избранный Глава,
И в зал неслись его слова:
– Я должен вас немножко огорчить
И аргументы все по полкам разложить:
Музей не будут строить без Петрова —

Должна понять здесь и... неумная корова.
А без музея – что за юбилей?
Чем будем удивлять тогда гостей?
Былых коровников показывать руины?
Так мы с мозгами, а не дубины.
У них самих добра такого завались.
Уж я-то знаю жизнь!
Не первый год мотаюсь по округе,
Как в дантовском блуждаю круге.
Других, как вижу, предложений больше нет.
Тогда проголосуем... Гасим свет.

Идёт закрытое голосование.
Потушен свет, чтоб избежать влияния
На волеизъявление народа,
Которому подгнивший плод дарованной свободы
Пока ни ум, ни совесть не затмил,
О чём бы кто ни говорил.

– Подсчитано – и оглашаем результаты:
Петрова выбрал каждый пятый;
Семён, без лишних сантиментов,
Набрал-таки шестя процентов;
Процентов двадцать где-то вроде
Купаются в гнилом болоте,—
Глава озвучил результат,

И явно видно: он не рад...

Ну а продолжил так Глава —

Остались в памяти людской слова:

– Видать, я вас не огорчил,

Как аргументы разложил.

И должен вам напомнить снова

Про благодетеля Петрова.

Он в трудный час деревне здорово помог —

Дал энергетикам свой трансформатор в долг.

Вы помните, его у нас украли

Той тёмной ночью, когда гуси гоготали?

Пропажу, к сожаленью, не нашли.

Как в воду канул... сгинули пути.

Теперь приходится платить —

Без света как-то некомфортно жить.

И так неделю...

Просидели...

Без света, в полной темноте.

С лучиной как-то не сидится... похоже, времена не те.

Незапланированной вышла нам обнова —

Платить как есть за трансформатор новый:

Он только лишь немножечко б/у.

Но слёзы лить пред юбилеем ни к чему.

– А где Семён?.. Его, похоже, нету? —

Задал вопрос мужик, кутивший сигарету.

– Он Ваньке-забуддыге пашет огород.
– Так что – ему плевать на весь народ,
Который здесь торжественно собрался?
– Чтоб впредь собраний не чурался,
Убрать из списка! Вот и все дела!
– Ты, как всегда, Макаровна, права,—
Промолвил одобрительно Глава.
– Так и Петрова тоже нет! —
Парировал Макаровны сосед.
– Это вопрос или ответ?
Чтоб не встречать нам здесь рассвет,—
Продолжил речь свою Глава,—
И поутру не пухла голова,
Пусть остаются оба в списке —
Они же... не на обелиске.
Ещё давайте раз проголосуем,
Иначе очень многим мы рискуем.
На этот раз не будем свет гасить,
Чтоб видно было, с кем поговорить...

Идёт открытое голосование.
Не гасят свет – во избежание
Совсем ненужного повтора.
Того момента, где ошибка хора,
Не переведшего, как подобает, дух,
Всем искушённым режет слух.

– Готово. Оглашаем результаты:
Семёна выбрал... каждый пятый.
Набрал свои шестьдесят процентов
Петров, без всяких комплиментов.
Процентов двадцать где-то вроде
Опять купаются в болоте —
В ГНИЛОМ БОЛОТЕ!
Так... где-то вроде.

Главой подсчитан и озвучен результат,
Ему он очень-очень рад.
– Ведь можем же решать вопросы,
Когда не курим папиросы!
Теперь осталось нам решить,
Чтоб за героя всей деревней попросить.
Я не сторонник всяческих там «измов»,
Но должен вам сказать: Марат боролся с тотатолито...
С тотатоЛИТра...
С то-та-ли-та-РИЗ-мом!
Ну и словечко! Насилу произнёс.
Язык чуть не сломал... и голову не снёс!
Давайте сходом, проекты строя,
Просить о присвоении Героя.
Тем больший статус для музея можно дать,
А то финансы снизу негде взять.

Музей, по сути,— наш огромный
Проект народный... инвестиционный.
Рабочие появятся места:
Директора, смотрителя, хранителя... короче говоря,
Подспорье без работы гаснущей деревне,
Хотя и корни у деревни очень древни.
Здесь никого не надо убеждать?

— Голосовать!!! —

Кричала, как всегда, середина зала,
И эхо тоже подтверждало:
Голосовать!!
Голосовать!

— Давайте свет не будем выключать,
Так продуктивней (откуда помню слово?
А... стадо дойное... корова)
Получается решать,—
Продолжил сход взбодрившийся Глава —
Светлейшая в районе голова.—
Единогласно! Сто процентов!
Не жалко никаких мне комплиментов!

И в завершение – вопрос,
Понятен он, и как червонец прост,
И с предыдущим тесно связан.

Решили мы: Казявин —

Наш герой...

Он на погосте под сосной

Покой наш стережёт, свободу,

Как часовой, в жару и в непогоду.

Ходатайство на звание Героя

Не завалюсь чтобы камнем под горою,

Нам надо жителем почётным избрать Марата,

Чему, конечно, будут рады

Его соратники, друзья,

Вся прогрессивная семья

Народов,

Жаждающих свободы...

Конечно, жалко, что посмертно,

Но так устроено: сознание инертно.

Что?.. Слово хочет нам сказать Иван?

Так ты же... вроде пьян?

– Не важно. Спирт мне не помеха.

Я всё по делу, не ради смеха.

– Ну, говори, уж коли так,

Хотя известный ты мастак

Вести пустые разговоры.

Учти, что здесь не сходка воров,

А общий, всей деревни, сход!

И не задерживай народ

Пустой брехнёй

Или... — Глава успел затормозить

И слово нецензурное повтором заменить: —

Брехнёй.

— Хочу сказать я за Марата.

Моя душа безмерно рада,

Что жителем почётным будет друг,

Прошедший испытаний адов круг.

Марат тиранов не боялся,

А всеми силами души сопротивлялся.

Хоть били сильно, очень страшно —

Держался он достойно и бесстрашно.

И голодом его томили, суки,—

Он вытерпел все эти муки.

Воды, бывало, некому подать,

Когда горело всё внутри... и не было пожрать.

А наш несостоявшийся почётный житель,

Семён, властям всегда был услужитель —

В совхозе возглавлял профком.

Вот часть вины лежит на ком,

Что нет в живых сейчас Марата.

Он мне как брат был!!! Дороже брата!

Семён всё обыски с милицией чинил,

Себя хозяином в деревне возомнил.

Сейчас в моём, собака, роет огороде.

Как будто пашет вроде.

— Сказал по делу всё Иван,

А я подумал, будто пьян.
Ну что же... вновь проголосуем
И протокол красиво нарисуем,—
Продолжил убедительный Глава —
Мудрейшая в районе голова.—
Опять единогласно... сто процентов!
Побольше бы таких моментов!

Закончился в деревне общий сход,
Идёт домой воспрянувший народ.
И через день здесь стартовала стройка —
Не хуже, чем когда-то перестройка...

.....

Идут вальяжной, выразительной походкой —
И у гусей домашних тоже сходка.
По-деловому и серьёзно **ГОГО**ча,
Не режут правду-матку с**ГО**ряча.
По делу и ответственно базлают,
Что сами видели и точно знают:

– Их доит, как коров,
Тот бизнесмен Петров!
– Он сволочь!.. и такая пройда:
У Ваньки он купил, а им он – продал.
– КоГда менты прОпажу не нашли,
То дело потихонечку... ушли.
ТоГда Он трансформатор им задвинул...
Без предоплаты... в долГ... бери, мОл.
– Ты представляешь? И цена еГО тройная!!!
Осведомлён я...

И Глава...

Он тоже, падла, знает!

Но мудро ГОворит: «Не мне платить.

Зато без света невозможно дальше жить!»

– Мы, Гуси, как мОгли, предупреждали

И долГО ГО-ГО-ГОГОтали,

Пытаясь им в бессилии помочь —

Услышала одна нас только ночь.

Они предупреждениям не вняли,

Что наши предки Рим спасли, видать не знали,

Но мы им очень долГО ГОГОтали.

Хотя моГли бы преспОкойно спать,

А не ГО-ГО-ГО-ГОГОтать.

– Потом неделю маялись без света!

– Вот дураки!!! МозГОВ, похоже, нету!

2.Сила слова

«Ах, Катя-Катенька, отзывчивый ребёнок,
Ведь помню я тебя с пелёнок.
Потом ты бегала по улице, резвясь,
Вернулась нынче к нам на почту, в связь.
Жизнь в городе за **м**ужем не сложилась —
Свекровка, как могла, повеселилась,
И безотцовщиной растёт дитя
У деда с бабкой – им забавы для.
Наверное, похож сынок на мужа,
Тебе который вовсе и не нужен.
Да и другим не очень-то нужен —
Повеса-переросток и пижон.
Одна теперь воспитываешь сына.
В деревне сплошь безрадостна картина —
Ведь не осталось молодых парней,
Кто б мог составить пару ей.
Пойду схожу на почту, до Катерины... в гости,
Немножко разомну старушки кости
Да позвоню по делу одному».

Прошла по улице,
Слегка зажмурившись,
Открыла почты дверь. Шагнула в полутьму.
– Ну, здравствуй, Кать!

Тебя сегодня не узнать.

– Здравоньки, бабулечка Матрёна!

Да, жизнь моя уж слишком замурёна,

Всё бьёт ключом... по голове.

– Так, значит, так нужно тебе.

А наша женская стезя – терпеть, молиться...

– Работать задарма и – веселиться.

– А я уж отработала своё,

Да и веселье – дело не моё...

(Здесь тот, кто повнимательней, подумал,

Прикинул и решил, что автор обманул, мол,

И усмехнулся, возраст бабушки считая.

Напрасно. Матрёна эта – не супруга Гавриила,

Она давно почила.

И век сейчас другой, и женщина другая.)

– С ребёнком-то справляются дед с бабкой?

– Справляются! Он с ними в огороде, с тяпкой...

– Глядишь, так сызмальства приучится к труду.

Оно на пользу только... не во вред ему.

Ты знаешь, по какому делу я приковыляла?

Мне нужно позвонить, а я очки сломала,

А без очков не вижу ни черта:

Ни цифр не разгляжу, ни где черта.

Мне номер дали... только мне, незрячей,

С такой простой не справиться задачей.

– Бабуля, номер-то какой?

– Да вот он... на бумажке, под рукой.

Пошли гудки из трубки телефона,

И голос вдалеке услышала Матрёна.

Волнуясь, стала что-то отвечать,

Просить о чём-то, а в глазах печаль.

Не слышит Катя всех подробностей беседы,

Матрёны просьбы и на них ответы,

Но грязное ругательство «мать-мать»,

Что беспрестанно стало долетать,

Сдавило сердце сердобольной Катерины:

«Ну как же можно так? Ведь это же – скотины!!!

А если человек – то должен понимать:

Она же – МАТЬ!»

Обида женщины такой была безбрежной,

А глубина – в словах не передать.

И плачет – в своём горе безутешна —

Вся оскорблённая Россия-мать...

.....

Хороший он мужик – Глава района,

С ним можно завсегда поговорить.

Но... «Почему-то он сегодня разъярённый,

И лучше вам к нему не заходить»,—

Так говорила молодая секретарша
Тому, кого любила, намечала, берегла,
И выбирала дяденек постарше,
Способных на амурные дела.
Поскольку женщин она явно не любила,
То пропускала всех, кого могла,
И в небесах душа её парила,
Когда ручьями тушь у них текла.
Ален Делону местного разлива
Она по дружбе тоже донесла,
Но он лишь только съёжился пугливо:
Начальник вызвал... Очередь дошла.
Глава района
Бросил трубку телефона
И начал вдруг в истерике кричать:
– Ты – гад такой... неблагодарный!
Начальник, твою мать, бездарный!
Да как меня ты смеешь подставлять?!
Весь день звонят корреспонденты,
Выискивая гнусные моменты,
Про бабку и деревню говорят.
Какая старая карга от вас звонила?
Такую бучу заварила!
– Сергей Михалыч...
– Что – Сергей Михалыч?!
Не знаешь?

Всё в облаках соловушкой витаешь?

Ждёшь не дождёшься орден свой?

Не торопись... постой!

Пойдёшь ещё по суд!

Без света до сих пор живут!

– Сергей Михалыч! Воры трансформатор спёрли.

– Да чтоб они скорей поперемёрли!!

– Замену энергетики поехали искать...

– Вот (...) (...) мать!

Украденный нашли?

– Как в воду канул! Круги, однако ж, не пошли...

– Вот (...)!

– Чтоб новый оплатить, в деревне нет средств,

Но в долг даёт его Петров.

– Чего же не берёте?!

Какого (...) ждёте?!

– Так сделали вчера... уже под вечер.

– Прибить вас нечем!!

Ладно.

Хоть здесь отратно.

А что с очками у старухи?

– Сергей Михалыч... это слухи!

– Какие, на (...), слухи?!

Очки сломались у старухи!!

Об этом знает вся страна!

Из мухи выдули слона.

А ты, Глава, ничё не знаешь?!
В фантазиях своих витаешь?
Всё мнится, снится юбилей?!
Давай, карман держи ширей
Под ордена и под медали!
Смотри, пинка чтобы не дали!
Тогда взлетишь быстрее ракеты.
Пупыркин... где ты?
Сходи узнай, кому карга звонила
И что ещё наговорила.
Сидишь, как пень,
Подняться лень...
Не знаешь, что в дому творится,
Лишь юбилей ночами снится.
Сходи сегодня же, узнай про всё у бабки.
Да сопли подбери, не будь как тряпка!
И завтра до обеда позвони.
Смотри, Глава, резину не тяни!

Впитала все слова стена.
На миг повисла тишина...
Один – Глава, второй – Глава,
На волоске висит глава
У одного и у второго —
Вот сила слова!

.....

Влетел к Матрёне в дом взъерошенный Глава,
От ярости весь белый... трясётся голова:
– Кому ты, старая карга, вчера звонила?
Что ты наделала? Что натворила?
В районе все как с цепи сорвались,
Орали в ярости: «Теперь держись!!»
Из области звонили... вызывают!
Хоть в петлю лезь! Или топись!.. Не знаю.
– Чаво, касатик, на меня кричишь?
Как зверь, в тайге подстреленный, рычишь?
Звонила я по делу... *Самому*.
Он вышел по нужде, оставил там слугу.
Какого чина – не пойму.
Он должность называл... я позабыла.
Насилу вспомнила сама, зачем звонила.
Сказал, что постарается помочь,
Поскольку я – от ветерана дочь.
– Ещё чего ты там, карга, наговорила?
Как кипятком по яйцам окатила...
– Сказала, что в деревне света нет,
Неделю уж сидим... И полный беспросвет
С лекарствами... их тоже нет
По списку льготному в аптеке.
Сказали – не ходить в текущем веке,
Ну а до следующего мне не дотянуть...
– Какая мать!! Какая мать!

– Сказала, что очки мои сломались,
Дней десять как слепая маюсь,
В аптеке нет, не знаю, где достать.
А он сказал: «Не беспокойтесь. Достану, мать».
И фельдшера давно в деревне нету —
Медпункт закрыли прошлым летом,
В соседнюю к нему не доскакать.
Он говорит мне, убеждая:
«Медпунктов сеть у нас большая.
Я вас услышал. Отправлю, мать».
Недавно в телевизоре сказали,
Что пенсию с весны пересчитали:
Добавят три рубля... Смешно сказать...
Он засмеялся, как ребёнок,
Счастливый тем, что вырос из пелёнок:
«Для вас стараемся... Посмейтесь, мать!»
А вот чиновникам оклады поднимали —
Хотя и так они немалы —
В четыре раза, а теперь опять.
Он, словно Маньке глупой, взялся объяснять:
«Они как *сироты*... им нужно, мать!»
По всей Рублёвке дворцы у них огромны,
Добром завалены хоромы,
Живут как короли – на остальных плевать...
Он повторил – решил, что я глухая,
А может быть, его не поняла я:

«Они как *сироты*. . . им нужно, мать!»

Про сына своего я рассказала. . .

Что связи с ним давно я потеряла

И что в полиции годков, наверно, пять

Как бросили сыночка мне искать.

«Разыщем – меня он обнадёжил.– Разыщем, мать!»

Ещё сказала, что моя деревня

На самом деле очень-очень древняя.

Никто не верил. . . Глава сумел всем доказать.

«С Главой понятно. Отметим, мать!»

Тебя я в разговоре похвалила,

Сказала: деловой и очень уж красивый —

Ален Делон спокойно может отдыхать.

А он сказал, чуть поразмыслив: «Повысим, мать!»

На разговоры время было мало.

Про юбилей огромный рассказала,

Что скоро будем отмечать.

Пообещал он без раздумий: «Приеду, мать!»

В деревне клуб совсем уж развалился,

Как будто слон в нём пьяный веселился,

На сцену страшно даже встать.

А он сказал: «Изыщем средства. Построим, мать».

Ещё про нашу рассказала про дорогу,

Что безобразна и очень уж убога.

А он велел не горевать

И так сказал: «Проложим, мать!»

Хотела я назвать свою деревню,
Напомнила, что очень она древня,
Хотела адрес, телефончик ему дать.
«Не беспокойтесь,— засмеялся,— найду вас, мать!»
Ещё сказала — так, для интереса,—
Что вроде независимая пресса
Голодная... ей некому подать.
«Голодная? — переспросил он.—
Так считаешь? Покормим, мать».
«Ой, миленький!.. Совсем чуть не забыла!
Газета к нам весь месяц не ходила —
Культурно нечем мне досуг занять».
Он удивился: «Быть не может! Доставим, мать».
«Ночами раньше, теперь и днём,
Программа „Дом“ — публичный дом,
Смотреть противно. Что детям сказать?»
«Канал переключите. Пульт нету? Закроем, мать».
В конце сказала то, что наболело,—
Что очень уж коррупция заела:
Как воровали — стали больше воровать!
«Всё под контролем, не волнуйтесь. Посадим, мать!»
«Посты у них уж очень-то большие,
И миллиарды — все не наживные.
Не знаю даже, сможешь совладать?»
«А по борьбе мой пояс чёрный —
Не говорит он ни о чём вам?»

Я справлюсь, мать!»

«Могу назвать тебе всех поимённо,
Кто ночью воровал... а щас и дённо.

Возьми тетрадку, чтобы записать».

Он засмеялся: «Успокойтесь. Всех знаю, мать!»

«А если посадить, пусть крупных даже,

Виновных в огромнейших пропажах,

Местов и камер может не достать».

«Нашли проблему,— усмехнулся.— Построим, мать!»

На этом месте делового разговора

Глаза Главы сверкнули, как у вора.

Похоже, перестал он понимать,

Лишь повторял:

– Япона мать!! Япона мать!

– В конце беседы я ему сказала,

Что не про всё ещё порассказала,

Но время больше нет... к свинье пора бежать.

А он ответил: «Я вас понял. Бегите, мать!»

Потом сказал: «Спасибо, что звонила»,—

Чтоб номер телефона сохранила

И не стеснялась, если надо, набирать,

И попросил: «Звоните, мать!»

От разговора от хорошего такого

Промолвить не смогла я даже слова

И слёзы не сумела удержать.
А он – как сын: «Не плачьте, мать!
Приеду, мать!
До встречи, мать!»
Мне телефон давала Катька, с почты.
Куда-то сунула... не помню точно.

От этих слов Глава стал оживать
И перестал кричать: «Япона мать!»
– Ну, эта Катька!! Чтоб её тряхнуло!
Устроила!.. Теперь ложись!
Теперь ложись...
Виском на дуло.

И даже «до свиданья» не сказал —
Мелькнул в дверях и убежал.

.....

До почты долетит за несколько минут,
Как будто стая львов за ним, Главой, бегут.
Успел он!.. Убежал, захлопнув плотно дверь...
Останется без ужина сегодня лютый зверь.
Немного отдышался и вышел на просвет:
На месте голова, а вот лица-то нет!
В истерике лицо о стены, окна билось,
Наплакалось навзрыд – обратно возвратилось.
– Кому она звонила... Катерина?! —

Свалился с неба в крик лысеющий мужчина.
А взгляд горит огнём,
И видно даже днём:
Расплавленный вулкан... в нём бездна... страсти —
Вот почему он не сказал ей: «Здрасьте!»
Стремительный напор —
Конечно, перебор
Для девушки простой, тоской томимой,
Недавно разведённой и ранимой.
Взаимностью она ответить не могла,
Порыв души своей для принца берегла.
Но почему-то принц не появлялся —
Он лишь во сне красиво улыбался.
И слёзы потекли ручьём у Катерины...
Какие же глупцы бестактные мужчины!
Ну разве поступать вот так вот можно?
Ну разве улыбнуться даме сложно?
Окончена коррида – бык повержен!
А если бы остался он телёнком нежным,
То до сих пор сосал бы мамки вымя,
Смотрел бы, как летит копьё... в бока чужие.
Лысеющий мужик
В желаниях поник,
Разрядом вышли в пол остатки дрожи...
Пролепетал едва:
– Зайду попозже...

.....
– Сергей Михалыч!.. Был вчера у бабки,
Держал себя достойно, не как тряпка.
Потом для верности на почту заходил,
Узнал про всё, о чём меня просил.
Звонила старая Матрёна... с почты.
Кому звонила – не знает точно.
Сказала, что звонила *Самому*,
Он вышел в туалет – попала на слугу.
Фамилию и чин его спросила,
Да, говорит, по дурусти забыла.
Сказала, телефон давала Катька, с почты.
Куда засунула – не помнит точно.
У Катьки я спросил про телефон,
А Катька говорит, что был у бабки он.
Старуха номер только показала,
Потом опять себе его забрала.
Мужик какой-то с бабкой говорил.
«И матерился так, что не хватало сил
Такое слушать,
Что вяли уши
От матов, что сапожник говорил.
Похоже, он серьёзно перепил»,—
Так рассказала Катька с почты.
Всё это слышала она, сказала, точно.
Когда закончила звонить —

Матрёна не могла нормально говорить,
А просто зарыдала очень сильно,
И слёзы потекли ручьём обильно,
Да так, что не смогли её унять,
Утешить и хоть что-нибудь понять.
Мне рассказала бабка по-другому,
Когда ходил я к ней до дому:
Как будто бы слуга ей начал обещать —
Лекарств отправить, газет прислать,
Помочь ей разыскать сыночка,
Закрыть публичный дом, что пашет еженощно...
— А чем ей, старой, дом-то помешал?
Не вопрошал?
— Сглупил, дурак... не вопрошал.
— По дому надо бы подробнее прознать.
Неужто из-за бабки его нам закрывать?
— А тот слуга продолжил обещать —
Помочь старухе с новыми очками,
Заполнить камеры свободные ворами.
Фамилии воров не стал писать,
А так сказал: «Всех знаю, мать!»
Пообещал воров пересадить...
— Он что, рехнулся? А как нам жить?
Старуха ему точно не сказала
Фамилии, что здесь насобираала?
— Сказала: «Он не стал писать,

А произнёс: „Всех знаю, мать!“»

– Япона мать!.. Япона мать! —

Глава района стал так повторять.

– Дорогу проложить... построить клуб...

На юбилей к нам непременно заглянуть...

– Вот засветились с этим юбилеем!

Свалился он... ярмом на шею.

– Я также не могу не доложить,

Что он меня намерен наградить

И даже собирался повышать.

(«Вот карьерист, (...) мать!»)

А вслух спросил с надеждой и тоской:

– У бабки всё нормально с головой?

– Да вроде как нормальною была,

Но забываться стала иногда.

Куда-то номер телефона запихала

И наврала, что Катька его *дала*.

– Так, может, всё придумала она

От скуки? Мается одна...

Тогда откуда пресса бы прознала?

Полощут, (...). Крови гадам мало.

Не знаю даже, что и предпринять.

Вот вляпались, (...) мать!

.....

– Бабулечка, родимая, как ты?

– Ты Катя?.. Не увижу с темноты...

– Насилу вырвалась с работы, прибежала.
Ах, как вчера меня ты напугала.
Едва сама сдержалась, чтоб не взвыть.
Ну как же сволочью такой, такой скотиной можно быть?
Прости!.. Вчера я не смогла к тебе прийти,
Всю ночь как на иголках, и уголья в груди...
– Ой, Катя! Это ты меня прости,
Что ничего я не смогла произнести
И что тебя я, дура, напугала.
Ведь знаю: у тебя своих проблем немало —
С ребёнком, с бывшим мужем-дураком,
Разбившим семью, как тарелку кулаком.
Ведь это ж я... от ра-адости!.. ревела.
– ???.. Так не шути... я чуть не поседела.

И Катя со слезами бабулю обняла,
А та едва расслышала:
– Ну и дела...

.....

Правильные речи, трезвый, мудрый взгляд,
На родном наречье без матов говорят.
Старые проблемы – их знакомый ряд,—
Длится это действие много лет подряд.

Повезёт ребёнку, как на Новый год!
Он ведь не обманет – самокат пришлёт.

То-то будет счастья под гору лететь!
Для проблем серьёзных нужно повзрослеть.
Залатают яму – лучше станет жизнь!
Столько дожидались! – раки завелись.
Новоселье справит старый ветеран,
Много претерпевший от душевных ран.

Молнии и громы по стране летят.
Побелел от страха местный бюрократ.
«Деньги получили?!» – строго спросит *Сам* —
Ветром вновь наполнятся финансов паруса.
По-отцовски ласково министра пожурит,
А в ответ чиновник примет виноватый вид,
Слово даст – и справится, всем трудностям назло,
Потому что нравится министра ремесло.

Время на исходе, напряжение растёт,
Полстраны в истерике: «Опять не повезёт!»
Взоры к небу обращая, шлют туда слова:
«„Линию прямую“ дайте вместо „Дома-2“!»
Нет ответа на прошение – видно, не дошло:
До царя неблизко, до Бога высоко.
Отправитель не наивен – по всему видать,
Станет письма с челобитной в град столичный слать.
Закружат они, порхая, словно мотыльки.
Близко к лампе подлетели – крылышки сожгли.

Мертвой пылью, без движенья, лягут на столе.
Их могила будет братской в мусорном ведре.

У хорошей сказки тоже есть всегда финал.
Вот и на вопрос последний порученье дал.
Микрофоны отключили – можно не стоять,
Новое пришествие придётся подождать.

Колесом квадратным быт покатит вновь,
Но не иссякает народная любовь —
Помнит: не отринул, страждущим помог.
Будет бесконечным пусть последний срок.

Сгинет наважденье, как прекрасный сон.
Без ответа вновь вопросов миллион.
Но грустить не стоит! Годик промелькнёт —
Снова возвратятся и медведь, и мёд.
Будь здоров! Не кисни! Веруй и держись!
Всё отлично будет! – только дозвонись.

3.Идёт волна

Идёт волна... Штормит... Девятый вал.
В программе «Пусть кричат» он так сказал:
«Да мыслимо ли, чтобы в нашем веке
О трудовом не думать человеке?!
Ведь это он богатства создаёт
И представляет из себя народ!
Вы видели?! Недавно показали:
В деревне древней свет пообрезали.

Неделю уже маются без света!
А местной власти будто дела нету!
Не знают власти, чем живёт народ,
Чем дышит, что он курит, что он пьёт!
Мы дали льготы ветеранам на лекарства —
Заботу проявило государство.
А на местах что эти Главы вытворяют?!
Что сами делают, они не знают!
Создали очередь, а хвост – в грядущем веке!
Вот вам забота о человеке!

У дочери большого ветерана
На сердце кровью кровоточит рана!!!
Очки сломались – и негде взять,
А местной власти на всё плевать!..
Газеты целый месяц не приносят,
Вокруг деревни бурьяны не косят,
На ладан дышит местный клуб —
Досуга нет культурного вокруг!
Чем занимается такая власть,
Когда в районе нечего украсть?!»

С экранов монолог летит сакральный —
Идёт к финалу цикл электоральный...

.....

Очередная по весне придёт путина,
В огромный невод рыб косячных соберёт.
В улове знатном сомневаться нет причины,
Когда обещано движение вперёд.
Посолят рыб в дубовой старой бочке,
Разделав грамотно и гнётом придавив,
А там, спустя всего лишь несколько денёчков,
В буфет пожалуйста – отведать ассорти!
Нарежут очень тонкими ломтями,
Увидеть можно капилляры на просвет.
Струилась жизнь по ним и днями, и ночами,
Теперь её, конечно, больше нет.

Взирая радостно на выкладку гурмана,
Сжуёт в антракте зритель бутерброд —
Опустошая содержимое кармана,—
Салфеткой вытрет в завершение жирный рот,

Я тоже зритель, как разборная матрёшка,—
Жую и чувствую нутром свою вину:
«Что ж не осталась юркой маленькой рыбёшкой
Или такой как есть не скрылась в глубину?»

.....
Наш губернатор – народный и простой.
Неведом ему кризис и застой.
По области без продыху летает
И, как Атлант, хозяйство поднимает.
Пусть замолчат завистники, не врут!
И вовсе не сизифов его труд.
Хотя промышленность весенним снегом тает,
Всё остальное очень быстро прирастает:
Налоги, сборы, дефицит
Бюджетный, инфляция на месте не стоит.
Егор Фомич не хуже остальных
Чиновников, матёрых и стальных.
Так отчего же грусть в нём поселилась?
Заступница во сне к нему явилась,
Предупредила, чтобы стал он осторожен:
Исход борьбы любой, увы, возможен,—

И что она должна ему помочь
Все беды и невзгоды превозмочь.
Наш губернатор, как провидец, замечает:
Усмешки радостные за спиной мелькают.
Сподвижники и вроде бы друзья
Обходят стороной и не звонят.
С экранов «ящичков» потоки мутно льются,
И пятна грязи на рубашке остаются.
Язвительные строки, заголовки из газет
Напоминают про неубранный клозет.
Все на досрочное сложенье намекают.
Отставка, словно смог удушливый, витает.
Труднее с каждым днём становится дышать
И подвиги во благо совершать.
А он ведь – трудоголик, не иначе,
Но может запросто влететь и под раздачу.
Ракеты в космос могут не взлетать,
А миллиарды безвозвратно пропадать,
Но не дай Бог, чтоб повернулась к нам спиной удача,—
Тогда никто не даст и с миллиона сдачу.
Смешно сказать, что из-за бабки... из деревни из глухой
Пропал былой чиновника покой.
Но иногда свободная и заказная пресса
Страшней чугунного крупнейшего пресса:
Раздуют катастрофу с ничего,
Дойдёт волна громадная до *Самого*,

Тогда и поминай как тебя звали —
Воюй с бомжом за место на вокзале.

.....
Заданье получил, и значит — путь вперёд,
До самых что ни есть... до самых вражеских ворот.
Явки и пароли,
Сомнительные роли,
Опять в судьбе разведчика неожиданный поворот.
В каждом пацанёнке сызмальства живёт
Разведчик, и мозгами
Он борется с врагами,
Отстаивая правду, рискуя за народ.
Сомненье пусть навек уйдёт:
Пупыркин Саша нос утрёт
Хвалёным распиаренным агентам.
Он так красив — как сам Делон,
Хотя разборчив в связях он,
Бывают исключения моменты.
А женщины — по всем векам —
Идут на помощь мужикам:
Была такая — помните? — радистка.
А Саша наш совсем не плох,
Хоть полысел он и усох,—
У Саши есть в районе одалиска...

.....
— Какая радость на тебя свалилась,

Что вся слезами ты умылась? —
Спросила Катя, сжав в руке платок —
От слёз девчонки он давно промок.
Матрёна Катю гладила рукой,
А на щеках старушки у самой,
Как капельки росы, переливались,
Срываясь,
Падали на стол,
Напоминая ей о том,
Как в детстве Катенька такими же слезами
Здесь плакала, поранившись, слезая
С черёмухи, стоящей под окном.
А у Матрёны в горле ком
Стоял, и ей самой хотелось плакать
От горя детского – и словно осени грядущей слякоть
Заполнила Матрёнин дом:
– Ты, Катя, про мово сыночка знаешь.
В районе, в области дела позакрывались.
Пять лет прошло – и не сыскать следов.
Одна осталась... вот таков
Исток моей печали.
К Семёну с городу недавно дети приезжали.
Невестке я удумала про сына рассказать,
Пожалилась, что бросили искать.
Она мне номер написала на листочке,
Сказала, будто знает точно:

Способен многое тот человек решать,
Не требуя за это ни гроша.
И если он помочь не сможет —
Такой исход, увы, возможен,—
То правды негде мне искать,
Его вышее только облака.
На почту с номерочком приходила
И от тебя, ты помнишь, я звонила.
Пошёл дозвон, попытка сорвалась.
Когда потом включилась связь,
Хозяин по нужде куда-то вышел
И просьб моих, конечно, не услышал.
Слугой представился, кто отвечал,—
И обещал, и обещал...
Потешиться решил, как видно, над старухой,
А тут – для развлечения заваруха.
Мне говорил: «Исполню, мать!»
Мозгов не надо, чтоб понять:
Наобещать – не исполнять.
Но очень сильно меня задело,
Занозой в сердце глубоко засело,
Что называл меня он «мать».
Он столько раз мне это слово повторил —
И так, как будто сын мне говорил.
Слова я перестала понимать —
Всё заслонило: «Мать... мать... мать».

.....
– Бабуля, ты слыхала? Слухи ходят:
В районе словно черти колобродят,
И что орудуют в долях
На разных властных этажах.

– Слыхала, Катя, краем уха.
В душе такая же разруха,
Как в городах и в деревнях.
Их не удерживает страх:

С притоном легче
И беспечней
Жить беззаботно – в прибылях,
Чем спину горбить на полях.

В районе поживиться нечем,
А семью надо обеспечить:
Глава всех в город нынче перевёз,
А сколько сам в районе просидит – вопрос.

.....
Дошла волна... штормит... девятый вал —
Такой, как Айвазовский рисовал.

– Явились! Главы... вашу мать!
Стоят – «герои»!.. ни дать ни взять.
Как ситуацию мы будем исправлять?!
Вот засветились!! (...) мать!
На всю страну, красавцы, прогремели!

Бараны и безмозглые Емели!!

Очки-то бабке хоть додумались послать?

Здесь мне вас тоже нужно подгонять?!

– Егор Фомич, отправим завтра,

Ну крайний срок – так послезавтра,—

Промолвил главный из двух Глав,

Глазами пробежав стремглав

По стадиону кабинета.

Как упадёт сейчас монета?

Увидят решку – или же орла?

Ведь ситуация раздута, непроста.

– Какого ж (...) вы там ждёте,

Мозги трудящимся (...)?

С музеем ссыльного героя как дела?

Тут времени в обрез... почти что ни хрена.

– Нормально... в сроки успеваем,—

Раскланялся второй Глава,

В коленке правой чуть дрожа,

Предчувствием тяжёлым угнетаем.

– Ну хорошо... Хоть здесь не пролетаем.

Музей открыть приеду сам.

По клубу посмотрю... и подготовке к торжествам.

Предстало будущее Глав во мраке:

На геральдическом каком-то знаке —

Две головы, и в разны стороны глядят.

К несчастью, нет уже пути назад...

.....

В дверь дома как-то робко постучали,

Затем спросили, неуверенно вначале:

– Матрёна, здравствуйте! Могу я к вам зайти?

– Ой, доченька, какие же пути

Тебя доставили ко мне, старухе?

Ты не пугайся, проходи, сегодня я стряпуха.

Чего стоишь в дверях?

Иди к столу. Садись. Ведь правды нет в ногах.

– Я – с ФАПа¹, фельдшер новый.

Начался профосмотр снова,

И нужно вас сегодня осмотреть.

– Вот счастье неожиданно свалилось,

Скажи на милость!

До вас не соберусь я допереть.

Такая сложная сейчас проблема,

Не я одна – вся мается деревня.

Ведь это ж надо, чтобы отвезли,

Дождались – и обратно привезли,

Да по дороге по разбитой да трясучей.

А здесь такой свалился случай!

Спасибо, доченька моя!

Дай Бог здоровья, и твоя семья

Пусть благоденствует,

Живёт в достатке и не бедствует.

– Спасибо, бабушка Матрёна.

Дорога точно разъярёна,

Как дикий зверь

После дождя она теперь.

– Сейчас я, дочка...

Стряпню закончу – угостимся пирожочком.

Без чая я тебя не отпущу

И даже слышать возражений не хочу.

¹ Фельдшерско-акушерский пункт.

Сложила горкой пироги старушка,

На стол поставила тарелки, кружки,

Плеснула в кружки чай, достала сахар, мёд,

Показывая, что живёт

Неплохо... по меркам нынешней деревни,

- С картошкой и с капустой пироги.
Ты не стесняйся, милая, в тарелочку бери.
- Я не стесняюсь, бабушка Матрёна.
Часов до четырёх нам
Надо бы успеть.
- Успеем, милая, как можно не успеть?
- Дорога-то до вас и вправду просто ужас!
Машина вся в грязи – наездились по лужам.
На тракторе вытаскивать пришлось,
В салон воды с ведро понабралось.

В распадке в колею глубокую попали,
На целый час, до трактора проезжего, застряли.
Пораньше нужно выезжать,
Не то шофёр начнёт кричать.

– А что ж к столу его мы не зовём?

– Он не пойдёт. Какой-то нелюдимый он.

– Ну ладно... и не будем набиваться,

Раз не желает со старухой знаться.

Небось давно бы к молодой прибежал.

Кобениться привык,

Мужик и есть мужик —

Кобель да избалованный нахал.

Ты не стесняйся, угощайся пирогами.

– Я не стесняюсь, вы-то ешьте сами.

– Я дома... завсегда поем.

Тебе обратно ехать,

А это не утеха,

Дай Бог вернуться без проблем.

.....

– Нормальное давление... пульс повышен.

– Разволновалась я, тебя услышав:

Не часто гости забегут —

Одна я здесь, родных-то нет вокруг...

Подруги были, теперь произвелись —

Такая, дочка, нонче жизнь:

Все по домам сидят, никто не хочет знаться.

Да и стара я – куда податься?
На почту, в магазин когда схожу
Да телевизор изредка гляжу —
Вот всё моё, старухи, развлечение.
Ну, огород, конечно,– увлечение,
Всегда мне нравилось в земле порыть.
Теперь стара, не та уж прыть...
– На жизнь-то пенсии хватает?
Ведь вам никто не помогает.
– Я никогда богато не жила:
Транжирить не привыкла, копейку берегла.
А пенсию нам повышают понемногу:
Накинут три рубля – и слава Богу!
Хоть без задержек выдают,
Не позабыли, значит, бабкин труд.
Всю жизнь дояркой проработала в совхозе,
В говне, соплями на морозе.
Вот руки наработала... смотри:
Хоть мазью три их, хоть не три.
Потрескались, давно уж шелушатся.
Зачем так нужно было убиваться?
Всё думали, что для своих детей
Построим жизнь богаче и светлей.
– А кто-то есть у вас из близких, из родных?
– Теперь не знаю: остался кто в живых?
На Украине – брат родной, с моей сестрой,

Давно не пишут, нет связи никакой...

Сыночек был, да вот пропал —

Пять лет как весточку не слал.

Последний раз здесь был, так плакал горько,

Жалеть мне оставалось, да и только.

Распалась у него семья.

Так плакал, будто сам оплакивал себя.

Пока на вахте был в Сибири,

Жена с ребёнком укатили

С чужим каким-то мужиком.

Квартиру продали. Сын без угла, и долг висит на нём.

Так что теперь совсем одна я.

На почте Катя — внучку так же звать, — она мне как родная.

— Что, бабушка, сейчас у вас болит?

— Мне муж во сне является и плакать не велит.

Погиб он здесь, работая в совхозе, —

Замёрз зимой в машине, на морозе.

А так, родная, всё болит —

Восьмой десяток. О чём-то говорит?

Но больше остального сердце мучит:

Как допустили этот случай

И развалили всё, что создавали мы,

По доброй воле, без врагов и без войны?

В такое бедствие низринули страну...

Я не пойму.

— Я тоже, бабушка, их не пойму.

– Скорей бы Бог забрал меня, не мучил...
Нет сил смотреть, что стало со страной могучей!
Потери больше чем в последнюю войну,
И дела нет, похоже, никому:
Одни лишь праздники, футболы и веселье.
Переживём ли горькое похмелье?
Давно бы к мужу я ушла,
Да, видно, здесь ещё зачем-то я нужна.
За сына я молюсь, и теплится надежда,
А больше, доченька, ничто меня не держит.

.....
Много лет с той далёкой войны утекло,
На портретах героев поблёлкло стекло,
Но глаза воевавших девчонок, ребят
В наши души, как прежде, с вопросом глядят:
«Что вы сделать смогли, чтобы мир сохранить,
Преумножить победы, с достоинством жить,
Не в поклонах сгибаясь тщеславным вождям,
А во славу страны, что завещана вам?»

Он пугает, поставленный прямо вопрос.
Силой духа до них я, видать, не дорос,
Чтоб ответить открыто, душой не кривя:
Что потомкам оставим мы после себя?
Но, возможно, однажды решусь на ответ:
«Той страны величавой, увы, больше нет.

То, что враг не сумел,— мы восполнить смогли,
Уничтожив, разрушив без всякой войны».

Нет, была она в душах заблудших, война,
Истребившая веру святую дотла:
Рая нет — ни потом, ни на грешной земле,—
Всё от жизни бери! — то, что будет во мгле.
Возвратились из Нового в Старый Завет,
Золочёный телец застит солнечный свет,
И Содом, и Гоморра — всё рядом сейчас,
И когда-то пробьёт искупления час.

Мы плывём наугад, без руля и ветрил.
Капитан наш нетрезвый, похоже, хитрил,
Выдавал ерунду за продуманный план,
Прикрывая посулами грязный обман:
«Вижу ясно — земля!» — капитан говорил
И потом ещё несколько раз повторил,
Но, похоже, удача опять не про нас —
Быстроходный фрегат превратился в баркас.
Неизвестность гнетёт. Пересохло во рту.
До отплытия крысы сбежали в порту:
Оказался милей полусгнивший сарай,
А не ржавый корабль и команды раздрай.
Беспросветно по курсу — смотри не смотри.
Одичавшие кошки скребутся внутри:

«Если плыть мы не можем в спокойной воде,
Что же будет при шторме, высокой волне?
Обветшавший фрегат на плаву устоит?
О кораллы и рифы не будет разбит?
Капитан протрезвеет, держась за штурвал,
Или нас опрокинет безудержный вал?»»

Кто же знает ответ? Остаётся гадать:
Пришвартуемся где? Ждёт ли там благодать?

.....

– Прям всю неделю двор как проходной:
Один уходит, следом же – другой,—
Встречала бабушка с улыбкой продавщицу,
Невесть зачем решившую явиться
К Матрёне в дом.
Всё дело в том,
Что раньше никогда к Матрёне не ходила,
Здороваться – здоровалась, но дружбу не водила.
Один на всю деревню магазин,
Она там – королева среди витрин,
Когда приходят в долг просить под запись
Бутылку выпивки или какую закусь,
А может, просто хлеб до четверга,
До пенсии – не принесут пока...
Оставила старухе молоко коровье,
Спросила о её здоровье

И не болит ли, часом, голова.

Сказала, что несёт молва

Плохие слухи про районное начальство:

Оно открыто и довольно часто

Крышует неприглядные дела.

Узнала, что об этом слышала она.

Поговорила с нею про Петрова,

Потом немного про свою корову,

Что стала меньше молока давать —

На мясо скоро, видимо, сдавать.

Послушала рассказ Матрёны

Про разговор её по телефону

С каким-то неизвестным мужиком —

Слугой, наобещавшим, намоловшим языком

Муки с три короба, и расспросила,

Зачем она с ним говорила,

На что надеялась, чего ждала,

И через час, раскланявшись, ушла.

.....

При вертикали – не нужно рассуждать:

Приказ получен – надо исполнять.

Горизонтально можно пошуметь,

Повольнодумствовать и порадеть.

Про вертикаль, что сверху, – не шутить,

Иначе трудно, очень трудно будет жить.

А если есть под вами вертикаль —

Для них вы, несомненно, бог и царь:
Куда подальше можете послать,
Их мнением мозги не засорять.
Способна на большие чудеса
Такая – вертикальная к народу – полоса.

.....
Пришла команда в районный Дом услуг —
Создать культурный, занимательный досуг
Матрёне из деревни. Очки ей выслать срочно —
Курьером или почтой,—
Лекарства и газеты, с картинками журналы,
Чтоб вечерами долгими уныния не знала.
Команда-молния свалилась громом свыше —
Как по весне вода через гнилую крышу...

.....
Идёт по улице проснувшейся деревни —
Не сомневайтесь, очень-очень древней! —
Из города приехавшая внучка —
Лицом вся серая, как дождевая тучка.
Ночная бабочка красуется у ней
На шее и промеж бровей —
Немного меньшего размера,—
Степана внучка. Звать внучку – Вера.
По всей деревне слоняется без дела,
В татуировках – будто бы сидела.
Надумала пройтись

По местному Бродвею,
Поговорить за жизнь,
От воздуха пьянея,
С богемой деревенской – из магазина, с почты:
Здесь новости из первых рук – всё знают точно.
Собачка с подворотни вслед ей лает,
А та презрением полна и закипает:
«Стрелять вас некому, лохматых сволочей...
И нет, похоже, голодающих бичей».
У «королевы» в магазине разузнала,
Какая пролилась на бабуку слава
Из речи депутата в программе «Пусть кричат».
«Когда же эти сучки замолчат?» —
Что лают вслед, не уставая,
Эскортом Веру провожая.
Когда бы знали мы язык собак,
Собачий лай звучал бы так:
«Я по своей природе сучк**А-АВ-ГАВ**,
Но не такая сучка, как эт**А В**нучк**А-АВ-ГАВ**.
Хоть кобелей видал**А-АВ-ГАВ**, и немало,
Своих детей я в подворотнях не бросал**А-АВ-ГАВ**».

.....
– Бабулечка, пришла тебе посылка,
Тяжёлая, не как грибов корзинка.
Сама придёшь? Могу я занести,
Когда пойду с работы, по пути.

– А кто отправил? Пришла она откуда?

Я не выписывала. Что за чудо?

От сына весточка, быть может, вдруг?

– Отправил районный Дом услуг.

– Не помню, чтоб у них просила что-то.

Спасибо за твою заботу.

Не трудно если и по пути,

То, сделай милость, Катя, занеси...

.....

Кипит в деревне большая стройка —

Так твёрдой поступью шагала перестройка.

Нет времени присесть и закурить,

Не говоря о том, чтобы попить

Домашнего, с очисткой, самогона:

Перевезти ведь нужно два вагона,

В них шифер, утеплитель, кирпичи —

Для цоколя и дровяной печи.

И реставрация свою работу знает —

Из небытья музей героя поднимает.

Уже вспахали, посадили огород.

Не налюбуется народ,

Как споро движется работа.

Директором музея принят кто-то

Из родственников местного Главы.

Сегодня к ней уже на «вы»

Необходимо обращаться —

Величина, успела нос задрать,
Здоровалась ещё вчера —
Теперь ни с кем не хочет знаться.
Вот что творит с народом власть:
Поправить всякий хочет всласть —
Хотя б директором музея,
От скипетра в руках пьянея...

Под дом фундамент подвели,
На стенах глянец навели,
На крыше уложили новый шифер.
Марат, конечно, был бы рад пожить здесь...

Открытие совсем не за горой,
И так нам хочется порой,
Чтоб поглядел сейчас герой,
За что он жизнью рисковал,
Ведь жизнь любил и жить желал,
Возможно, даже больше нас,
Но в трудный для отчизны час
Не дожидался он приказ —
Пошёл бесстрашно на врага,
Хоть знал, что плата велика,—
И он один готов платить,
Чтоб жизнь потомков сохранить.

.....

Приходят письма на адрес почты электронной.

Пятьсот работников за тридцать дней, ночей бессонных
Не перечтут весь этот бред,
Что собирает Интернет.
И мы читать тот бред не будем:
Мозги зачем тиранить людям?
Прочтём всего одно письмо,
Которое Пупыркину пришло:

От: odalisca 18 июня 20:35

Кому: sashapuperkin

Была у бабушки, как ты просил, мой друг.)
Молвой наполнена округа вся вокруг,
Но бабушка про домик не слыхала
И ничего о нём не рассказала.
Бодра, приветлива, со светлой головой,
О сыне тужит, ждёт домой.
Слуга, считает, был шутник весёлый —
Обычный пустозвон, на обещанья скорый,
Играет в доброго царя, и потому:
«Не верю,— говорит она,— ему».
Целую.))) Забегай, как будешь близко.
Вся в ожидании, твоя, как прежде, Odalisca.)

.....
Режим на каждый день у кобелей простой:
Сначала – бабы, потом – отстой.

И если о политике судачат,
То, значит, бабы были... не иначе.

– Сегодня новости последние слыхали?

Из Министер-**Р-р**ства нер-**Р-р**азвития... заб**Р-р-р**али,
Не дав купюр-**Р-Р-р**ами пошелестеть,
А он **р-Р-р**асплакался... в ка**Р-р-р-Р**манах только медь.
Шагая тяжело на закланье,
Всё повтор-**Р-Р-р**ял, как заклинанье:
«Там колбаса!! Там колбаса!»

– Не вняли?

– Нет... **ГАВ**... сг**Р-Р-Р**ебли за полчаса.

Тве**Р-Р-Р**дил: **Р-Р-Р**аботы – мо**Р-Р-Р-Р**е, а живот – пу-
стой.

Р-Р-Решился ливе**Р-Р-Р-Р**ной **Р-Р-Р-Р**азжиться колба-
сой.

ТР-Р-Рудился, **Р-Р-Р**ук не покладая,

Ко**Р-Р-Р**мушки мимо п**Р-Р-Р-Р**олетая,—

Минусовой... стабильно... показывал при**Р-Р-Р-Р**ост.

– Ба**Р-Р-Р**бос... п**Р-Р-Р**ости за глупый мой воп**Р-Р-Р-Р**-

Рос:

А положительным при**Р-Р-Р**ост бывает?

– У Не**Р-Р-Р**азвития сп**Р-Р-Р-Р**оси... я сам не знаю.

Пять лет как коммунизм искали дно.

– Тепе**Р-Р-Р-Р**ь плодов увидеть не дано...

– Ошиблись малость... что-то не с**Р-Р-Р**ослось.

– Опять виной, наве**Р-Р-Р**ное, «авось»?

– Надеялись: ну вот ещё чуть-чуть —

И как в **Р-Р-Раю** т**Р-Р-Р-Рудяги** заживут.

– Да в**Р-Р-Роде** ж не ба**Р-Р-Раны**... могли бы и понять:
Ни коммунизма, ни дна им не видать.

– Че**ГО-ГО-ГО** рычат? – так гуси уток спросят.

– Да хрен их знает... собаки... лают – ветер носит.
Поправит их баран, стоящий у ворот:

– Собаки лают – караван идёт... БЕ-Э-Э-Э.

.....
– А что же, Катенька, они прислали?

Полдня сегодня вспоминала —

Никак припомнить не могу,

Чтоб я их в нынешнем году

О чём-нибудь просила.

Всё думала: а вдруг от сына?

– Бабуля, здесь письмо. Читать? —

Спросила Катя, продолжая извлекать

Всё содержимое коробки,

На стол выкладывая стопкой.

– А по-другому-то никак иначе —

Я без очков совсем незряча.

Матрёна села на кровать,

И Катя стала так читать:

«Совсем недавно мы узнали

И очень сильно все переживали:

В глухой деревне нашего района

Без света, без лекарства, без очков,

Давно не слыша добрых слов,

Страдает бабушка Матрёна.

Поведал эту новость депутат

В программе популярной „Пусть кричат“.

Своим рабочим коллективом

Собрали мы, что было в силах,

В своём желании помочь,
Поскольку Вы от ветерана дочь.
Надеемся, что наша помощь
Позволит одолеть Вам немощь.
Журналы Вам расширят интересов круг
И обеспечат познавательный досуг».

.....
– Сергей Михалыч! Источник доложил:
«Смотрела бабуку, вызнала про жизнь.
Ничё про Дом услуг она не знает»,—
Так мой источник утверждает.

О передаче «Дом» слуге она сказала.
– Дерьма не жалко... пусть закрывают.
– Слуга, как полагает, пошутил,
Развлёкся и давно про всё забыл.
– Неплохо было б, кабы так,
Когда б шутить он был мастак.
Пупыркин, малость успокоил,
А то измучился с тяжёлой головою.

.....
– Очки от солнца розового цвета,
В большую пачку сложены газеты,
Очки для дали и близи.
– Смотрите!.. како богатство привезли!
А Катерина продолжала оглашать:
– Журналы красочные... чтобы не скучать.

Лекарства разные и очень много.

– Вот разжилась... и слава Богу.

Откуда про таблетки смогли они узнать?

С аптеки может, с прошлого заказа?

– Виагра, клофелин, импаза...

– Таких не приходилось покупать.

Вот, миленькие, зря старались.

Поди, немало издержались?

Лекарств так много – где ж им угадать?

А ты слыхала, Катя, что собаки брешут?

Быть может, языками только чешут:

Что с Неразвития взялись сажать.

– В газетах тоже начали писать.

– Прямо главного министра зацепили,

А в чемодан ему как взятку положили

Купюры меченые вместо колбасы.

Он так обиделся, кричал: позорные вы псы!

– И в новостях такое показали.

– Так, знать, собаки нам не набрехали?

Откуда же смогли они прознать,

Газеты не умеючи читать?

– У них же нюх на всё собачий —

Разнюхали... а как иначе?

– А может, тот слуга стал обещанья исполнять

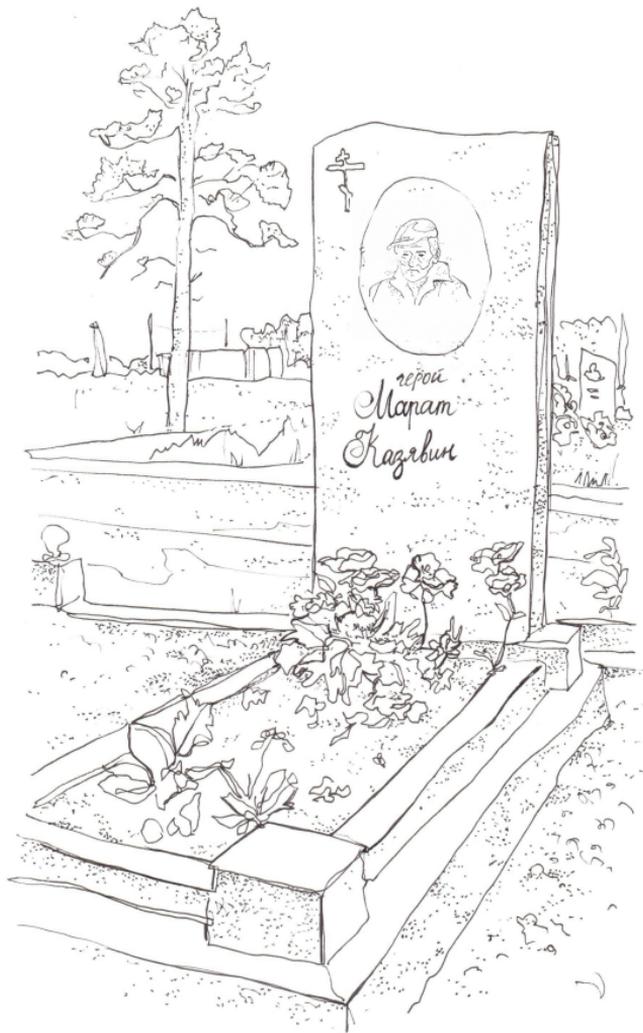
И не соврал: «Посадим, мать!»?

.....

Подходят к финишу дела у бабки Вики.
Теперь сомненья в голове её возникли:
Свободно чтобы по небу летать,
Ей разрешение не надо ль получать?
С госномером как быть для ступы?
«Серьёзный с номером вопрос, не глупый.
Ведь ступу могут запросто стащить,
Лишь отлучись отведать щи.
Кого тогда позвать в подмогу?
Без номера найти не смогут
Полиция и добрый люд.
Бандиты, ежели найдут,
Запросят выкуп неподъёмный,
А где возьмёшь?
В кармане только грош
От пенсии остался стрёмной.
Присвоят, гады, не указ им суд —
Закон они не чтут,
Живут в своих понятиях —
Такая братия».
В смятенье бабка: поступить ей как?
А дед – ну просто форменный дурак,
Сидит на солнышке и мух своих считает
Да к лешему старушку посылает.
«А может, правда к лешему сходить?
А вдруг подскажет – неглупый ить».

4. Фанфары прозвучали

Торжественно фанфары прозвучали,
Развевались тревоги и печали.
Чиновников осиный рой,
При галстуках, под старою сосной
Слетелся, чтоб присутствием почтить,
Музей героя освятить,
Отметить значимость события речами,
Побывать немножечко с зажжёнными свечами
И восвояси укатить,
Чтоб через день уже забыть,
Не вспомнив больше.
От памяти такой всегда лишь горше.
И помнить для чего, зачем,
Когда своих полно проблем?
Ну, был он на земле такой,
При жизни незамеченный герой,
Лежащий ныне под сосной,—
Лишь фотографией поблёкшей он представлен:
«Герой Марат Казявин».
Привычных дат на памятнике нет:
Не государственный секрет и не запрет —

Ведут работу кропотливо краеведы,
Порядок дат пока ещё неведом...

.....

Снуют корреспонденты всех мастей —
Районных, областных и федеральных новостей.

Старик Михей стоит... беззубо рот раззявил.

– Вы помните, каким он был – Марат Казявин? —

Так репортёр задал вопрос

И микрофон поднёс под нос.

– Немножко... слабо помню вроде.

Орал он часто в огороде

Ругательства прот^{ив} властей,

Тиранов всяческих мастей,

Лишивших мужика свободы,

И пёкся о простом народе.

В своей избе собрал кружок подпольный,

Беседы в нём вели фривольно

О демократии, насилии властей,

А сам всё ждал с надеждой новостей

О даровании свободы —

Так было... вроде.

– Спасибо вам, Михей Ильич,

За память, за короткий спич.

– За что гутаришь ты «спасибо»?

Марат... был глыба!

.....

С подобающим всем видом
Отслужили панихиду
По душе почившего Марата.
В его погребели во многом ссылка виновата.
– Прискорбно... нет героя на земле,—
Так говорили люди в тишине,
Те, кто любил, да и поныне так же любит
Героя из народа... правдолюба.
Хотя чернили свет его идей —
Земля как носит этих сволочей? —
Но не сломили непокорного Марата.
Соратникам его награда —
Открытый только что музей,
В котором он живых живей.

.....

«Под Маяковского» из области поэт
Прочёл свой стих – в нём побеждает свет
Его идей, чему безмерно рады
Соратники и все друзья Марата:

«Был до смерти
замучен
оравой
сучьей.

Жестоко били —

не сломили

Могучий дух

геройского

Марата

Душители свободы

и пламенных идей!

И правильно

столкнули

сволочей!

Не вытравить

из памяти

Марата!

Кишка тонка

у этих супостатов!»

.....

А реставраторы сработали на славу —

Увековечили героя славу.

Хоть было времени в обрез,

Поклонный водрузили крест,

Крыльцо подняли, домик подновили.

Цветочки в клумбах – в деревенском стиле,

Пред окнами полощет ветер,—

Марат бы их и не заметил,—

Усадьбу обнесли забором новым,

Чтоб не залазили коровы,

Вспахали, посадили огород,—
В народной памяти пусть здесь Марат живёт.

.....
— Сегодня здесь торжественно открыты
Доска, музей... борцу с тотатолиТо...
С тотатоЛИТра...
С то-та-ли-та-РИЗ-мом!
Вот напридумали, насили произнёс,—
Чиновник с области так лепту свою внёс
В поток речей, таких обычных —
По случаю, хоть местных, хоть столичных.

.....
Указ о присвоении Героя огласили.
Народа воля – большая сила.
И меценат, конечно, не забыт —
Табличка на стене гласит:

.....
Стоит в усадьбе скамейка под сосной.
На ней, оттаяв после холода, весной
Пел песни вольные Марат.
Ах, как сейчас он был бы рад

Увидеть близких и знакомых,
Войти по новеньким ступенькам дома,
В просторной горнице своей
Навеселе встречать друзей,
Пришедших друга попроведать.
Ах, если б знать он мог
Своей борьбы итог,
Ах, если б мог он ведать,
Как воплотится в жизнь мечта!
В предельной простоте – полёта высота:
Свободным быть!
Спокойно жить!

.....

Был телерепортаж, вещание прямое
С открытия музея ссыльного героя.
Когда бы запись – обрезали и в стол.
Эфир прямой – пошёл прокол.
Вот что сказала древняя бабуля —
Сперва не поняли, потом рукой махнули:
– Припомнить не могу... ну хоть убей!
Хотя жила в деревне с первых своих дней.
Не знаю... кто такой Казявин.
Героя, помню, прежде изучали —
Фамилии близки у них в созвучности своей,
Но только тот... Марат Казей.

.....

Стоит пред камерой и микрофоном,
В деревне всем давно знакомый,
Иван... немножко он знаком и нам.
Иван всегда бывает пьян,
Но – из потомственных крестьян,
Увидевший свободы свет,
В душе художник и поэт.
Он в детстве на заборах рисовал,
Сегодня в рифму говорит слова:
– Ликуй, страна, и радуйся веселью,
То праздник на дворе, а то похмелье.
Мозги не долбят про весенний сев
В экранах телевизоров, присев.
Живи, свободой наслаждайся —
Ты наконец её дождался! —
Плоды созревшие вкушай.
Пусть рыжий бьётся за урожай.
Внушали, суки, что обязана трудица
И день, и ночь душа, и день и ночь!
Как можно было дешёво купица?!
Теперь всё ясно, и сомненья на (*тик-тик*) прочь!

.....

А в завершенье торжества и на прощанье
Произнесли Герою обещанье:
– Мы память вечную о друге сохраним,
В мечтах и мыслях пребывая с ним.

Он – наш кумир и наш Герой!
Мы встанем за него горой!
Ведь это он привёл нас к жизни светлой!
Стремился к ней всегда он беззаветно.
Мы вслед за ним готовы повторить:
Свободным быть! Спокойно жить!

.....
Перед началом праздничных процессий
И разговорчив был, и весел,
На стройку клуба заглянув, Егор Фомич.
Зазря болтают, будто бы кирпич
Лицо его от перекорма просит
И под глазами вечно просинь.
Со свитой осмотрел всё делово,
Строителей хвалил, а одного —
Прораб он был – похлопал по плечу,
Сказал:

– Как в область возвращусь – похлопочу,
Чтоб в суматохе не забыли
И грамотой почётной наградили.
С тем и отъехал – открывать музей
Да молвить речи для друзей.

.....
Героя помянули за праздничным столом,
По третьей рюмке выпили, и... сбился счёт потом.
Пошли фривольные беседы.

И он сказал – кто жил в соседях
Героя, из народа своего,—
Напрягши лоб, с задумчивым лицом:
– Так мы же с ним попеременно пили!
Пошто меня тогда не наградили?
На что Глава ответил – он трезвей:
– Иллюзии свои, алкаш, развей!
Ты пил, но находился на свободе!
А он томился!!.. в ссылке!!!.. в огороде!!
Который на хрен!!!.. был ему не нужен!
Замолк алкаш... обезоружен.
Тут слово взял Героя закадычный друг,
Которого не взяли на испуг:
– «Ну сколько можно строить коммунизмы?! —
Кричал Марат... и добавлял для рифмы: – Онанизмы»,—
Вот так!!!.. сопротивлялся он властям,
Взывавшим друга к совестям.
«Вы дайте мне, паскуды,— бывало, закричит,—
Свободно жить!!.. Спокойно пить!!»
Теперь лежит друган мой незабвенный,
Едва себе не вскрывший вены
От тирании беспросветной... от такой.
Прости нас, друг! Давай... за упокой.

Сходили подышать на свежий воздух в огороде,
Поговорили о гнилой погоде.

Заборчик новый – нужно обновить,
Всю боль души за друга излить.
Ожившие, вернулись снова в здание,
И потекли рекой воспоминания:
– ...Наварит бражки, невзирая на запреты,
Потом дудонит с друзьями до рассвета.
А если уж нагонит самогона —
По всей деревне расходились круги звона.
– ...Наведывался часто участковый —
Тогда он был в деревне парень новый,—
В подполье сразу прятался Марат —
Ментам всегда он был не рад.
– ...Мента боялся очень сильно,
Тот вёл себя всегда насильно —
Всю брагу в огороде выливал.
Ну кто ж он есть, как не нахал?!
– ...Супротив воли заставлял Казявина лечиться,
Не позволял – тиран! – свободно материться.
И всё доносы для кого-то составлял —
В конверт ложил и отправлял.
– ...Помёр Марат... от перенапряжения,
В пылу неравного с тиранами борения,
Всем показав пример,
Большую силу и размер
Народного... в душе сопротивления,
И заслужил потомков уважение.

– ...Сейчас настали золотые времена:
Бухла – залейся, участковых ни (...).
– ...А как-то раз с Маратом здесь же пили,
Красотку местную тогда не поделили.
Он мне как (...) с размаху кулаком —
Свалился я под стол со стула кувырком.
Подняться, на (...), смог и табурет схватил,
Промеж рогов ему я справа засветил.
Свалился, на (...), друг с рюмашкой недопитой,
Вздыхнул и замолчал, как будто бы убитый.
Я вусмерть перебздел, стал по щекам хлестать,
А он как заорёт, вскочил – и на кровать
Запрыгнул, кроет меня матом —
Аж ходит ходуном вот эта его хата:
«Знать никого вас больше не хочу!
От ваших рож я просто хохочу!!
Сейчас же убирайтесь, суки, на (...),
Покуда не нагнал на вас я страху!
Я всех вас видел на (...)!
Пошли все вон!!! Я спать хочу!»

– ...Ну что сказать?

Пора, соратники, и честь нам знать.
Герою тоже, на (...), нужно отдыхать.

.....

Сюжет прошёл в программе федеральных новостей
Про жизнь районов, краёв и областей:

«Музей-усадыба торжественно открыта
Известному борцу с тотатолито...
С тотатоЛИТра...
С то-та-ли-та-РИЗ-мом! —
И, чтоб замаять случившийся скандал,
Так диктор пошутил: – Язык чуть не сломал...»
Потом на день в депрессию свалился,
А вечером... и не слегка... напился.
Но на себя напрасно диктор злился:
По Фрейду он оговорился.

.....

– Катюша, здравствуй! Звоню тебе... нет слов!
Таблетки, что прислали... все – для мужиков!
Да где же они столько их набрали?
Своих мужей ли, что ли, обобрали?
Срок годности недавно их прошёл,
А может, это даже хорошо.
Хотела выбросить на свалку,
Да денег стоят... стало жалко.
Теперь как витаминки принимаю...
Но только по одной и не подряд,
И чаем крепким запиваю,
Раз годность вышла, то не навредят.
Немножко помутняется сознание,
И выплывают смутные желания.
Других эффектов больше нет.

На завтрак принимаю и в обед.
Газеты, что прислали, – все почти кроссворды,
В других – сплошь кандидатов морды.
Журналов два: «Плейбой», второй – «Максим»,
За прошлый год... короче, срам один.
Ребёнок – видно, по родительской подсказке, —
Отправил мне в посылке сказки.
Газетами я печку растопляю,
Теперь с растопкой горюшка не знаю.
А сказки поучительны, любила их читать,
Вот потихоньку буду детство вспоминать.
– Бабуля, а очки-то подошли?
– Да, милая... для дали есть, есть для близи.
А больше розовые мне по нраву:
У них нарядная, красивая оправа,
Как их надену – сразу краше жизнь,
Хоть не снимай, а с ними спать ложись.

.....

Из тех газет, лежащих стопкой,
Взяла одну, взглянув перед растопкой.
Поддержки ищет новый кандидат,
Слова его безжалостно клеймят:

«Нарицательной станет фамилия,
Как преемники все отойдут.
В самодурстве искали величие

Бесполезно: сизифов был труд!

Никакие дворцы сверхпомпезные

От бесславия вас не спасут.

Никакие «творцы», всем известные,

До Олимпа не вознесут.

Непредвзятый, открытый и праведный

Если будет Истории суд —

Не найдётся тогда оправдания

Для предателей и для иуд».

Бумага вспыхнула, горит огнём,

Но сожаление не тает в нём

О том, что дорого и близко было сердцу

И что утеряно. Закрыла печки дверцу,

Заговорила сама с собой:

– Хлебнули горюшка с лихвой.

А ведь и вправду интересно:

Наступит ли когда-то «если»?

.....

Он вовсе не играет с кем-то в прятки —

Открыто, возле дома на площадке,

Ведёт приём цветного лома.

Фамилия его знакома
Тому, кто побывал на торжествах:
Отмечен в поздравительных речах
И памятной доской на домике отмечен —
Теперь в народной памяти он тоже будет вечен.
Он также принимает чёрный лом —
Слепой, ну, может быть, глухой не ведает о том.
Ненужные перековать орала
На очень популярные забрала —
Теперь его задача на земле,

Через него совхозы шли в небытие.
Как настоящий бизнесмен,
Он не боится перемен,
А расширяет бизнес строго по науке.
Всё, что само и не само приплыло в руки,
В корзины разные старается он класть,
Одномоментно чтобы не пропасть.
По складу он не лирик, а технарь —
Поэтому известнейший «технарь»
Он выбрал как опору, бизнес расширяя,
В любую тару в миллилитрах разливая.
Наладил сбыт, учёт, контроль...
Неоценима его роль
В организации досуга
Людей уже не маленького круга,
Умеющих с размахом пировать,
Да так, что иногда вставать
С утра не нужно им —
Уснули вечным сном, сном не земным.

Сегодня он получит донесенье:
«Богдан Ильич, причин нет для волнения.
Про бизнес ваш она не говорила,
Когда на почте мужику звонила.
Сто литров смело можете везти.
Я в магазине буду до шести.

А если позже – буду дома,
Дорога тоже вам знакома».

.....
«Пупыркин! Срочно в область приезжай!
Приедь заранее, смотри не опоздай»,—
Звонок с приёмной областного руководства
Вселил в душе Главы деревни беспокойство.
Да и районный босс ехидством портит кровь:
«Помыться с мылом не забудь и дырку приготовь».
Районного Главу не вызывают:
Расслабился... смеётся... отдыхает.

.....
– Ты слышала, **ГАВ-ГАВ**, подру**ГАВ** Лира,
Что Жучка, **ГАВ**, про Матрёну **ГАВ**арила?
– Нет... не слыхала, **ГАВ**.
А что за **А** но**В**остя... **ГАВ**?
– Прислали ей из нашего района, **ГАВ**,
С какого-то подпольного притона, **ГАВ-ГАВ**,
Лека**АрстВ** просроченных для мужиков,
В коробке несколько очков, **ГАВ**:
Для дали, **ГАВ**... для близи, **ГАВ**... от солнца, **ГАВ**...
Журнал**ОВ** с бабами... раздетыми до донца, **ГА-АВ**.
– А для чего ж она на это деньги тратит, **ГАВ**?
Ей пенсии на прожитьё не хватит... **ГА-АВ**.
— Ей подарили, **ГАВ**... чтобы не скучала, **ГАВ**.
В письме какая-то, **ГА-АВ**, мадама написала:

«Журналы расширяют интересов круг
И познавательным ваш сделают до сук».

– А нас зачем, **ГАВ**, там помянули, Динка?

– Поди узнай!.. Наверное, блондинка, **ГА-АВ**.

.....
Девятый вал... штормит... ушла волна.

На месте, не слетела голова.

«Видать, заступница меня не обманула,

Словечко нужное и вовремя шепнула.

Притихли разговоры за спиной:

„Пора в деревню... на покой“.

„Друзья“ потерянные снова объявились...

Забыл давно про них, не запылились.

Трезвонят целый день и ловят каждый взгляд,

А я звонкам и рожам их не рад.

Стал дальнозорким – смотрю намного дальше:

Не переплыть, как ни старайся, море фальши,

Что льётся из речей таких „друзей“.

Большое море – это не ручей,

В нём, к сожаленью, не бывает брода.

Какая призрачная вещь – мой выбор и моя свобода».

.....
Непредсказуемая штука жизнь:

Сидишь в седле – не спи, держись!

Бывает, так тряхнёт – мозги повылетают

И ореолом возле черепа витают.

Когда фортуна вам благоволит —
Об этом говорит сам внешний вид:
Сверкают ордена, блестят медали.
А тем, кто невезуч, за те же «подвиги» срока впаляли.
Спустился свыше, как с горы, указ,
Для тех, кто ниже, он, естественно, — приказ.
Пупыркину фортуна улыбнулась —
Карающая длань не дотянулась.

.....

– Ну что, Пупыркин, появился? —
Так губернатор обратился
И голову поднял от срочнейших бумаг.
– Егор Фомич, себе же я не враг...
– И что, Пупыркин, дырку приготовил?
– Такой исход мне, видно, уготован.
– Философ, я смотрю. Запомни: не бросаю слов,
Раз я сказал – то будь готов!
Спустился нам указ о награжденье
За ваше выдающееся рвенье.
Хотел вручить тебе на юбилее,
Но там без ордена утонете в елее.
Вручаю здесь. Сегодня. Лично.
Чтоб торжества прошли отлично.
Пришла депеша, что приедет *Сам*
С визитом к юбилейным торжествам.
Дают нам деньги целевые, из резерва,

На клуб, дорогу – оживёт деревня!
Начнётся, стало быть, вторая жизнь.
Проект масштабный, смотри не обложись.
Финансы нужно вовремя освоить,
«Под ключ» объекты к юбилею строя,
И качество, и сроки соблюсти.
На всё три месяца вместо шести.
– На клубе же ремонт почти закончен!
– Под ноль убрать и новый строить, срочно!
– А как в три месяца асфальт нам уложить?
– Похоже, с орденом устал ты жить?!
Забронзовел, как статуя литая.
Пройдёт, Глава, по первости бывает.
Здесь нужно не о сроках рассуждать,
А впрячься и пахать, пахать, пахать!
Конечно, и культурная программа
Должна быть яркой, без ханжества и срама.
Тверёзым взглядом надо посмотреть:
Кто будет открывать, плясать и петь,
Какой театр покажет постановку —
Столичный однозначно, с провинции неловко.
Приедет друг его проверенный, Датон,
И тут не обойтись без примадонн.
В кошмарном сне и с перепоя не приснится
Концерт, в котором нет императрицы.
Серьёзный юбилей. Будь добр! Изволь!

В лепёшку расшибись, а должен быть король.
Для статуса – не для забавы:
Брильянт сверкает лишь в оправе.
– От звёзд таких всей области развалится бюджет.
– Согласен, но вариантов нет.
По спонсорам с рукой протянутой пройдемся,
Одним блондином здесь не обойдемся.
Иначе попусту потратим труд —
За жмотов гости нас сочтут.

.....

– Сергей Михалыч? Здравствуйте!.. узнал.
Спасибо. Кто вам рассказал?
Всё хорошо, дела идут отлично.
Сегодня орден получил. Сам губернатор лично
Его на лацкан приколот,
Поздравил, много лестных слов
Сказал о сделанной работе,
О том, что видится на горизонте.
Обрадовал: финансы нам дают
На клуб, дорогу, на салют.
Вернётся снова жизнь в деревню.
В происходящее и сам с трудом я верю.
Откуда прёт такая благодать?
С резерва. Указанье вышло: дать!
Прибудут гости из столицы —
Высокие и вспомогательные лица.

Пришла депеша: будет *Сам*,—
Бывают в жизни чудеса.
Не бабкины ли просьбы исполняет?
Сергей Михалыч, я не знаю.
Возможно, связь такая есть,
И совпадений много – не перечесть.

.....
Закончился ремонт простого клуба.
С времён советских он стоит, и эта клумба
Пред главным входом – с той поры,
Когда знамёна красные и галстуки
у школьной детворы
По праздникам великим красовались
И на ветру, как волны, развевались;
Под баяниста удалого перебор
На сцене пел народный хор;
Артисты с области, с района
Под занавес осеннего сезона
Давали праздничный концерт;
Ударники с купюрами конверт
Из рук начальства получали
И дома после отмечали
Финал уборочной страды.
Как много утекло с тех пор воды
В реке, что деревенский берег моет!
Мир почему-то так устроен,

Что прошлое царапает, саднит,
Притягивает взоры, как магнит.
Давно почил совхоз и канул в Лету,
Лишь старый клуб хранит приметы
Эпохи той и тех времён,
Где ветер с шелестом знамён.

Строители исполнили дела,
Насколько смета в этот раз была щедра.
Теперь другое им задание:
Снести из дерева дряхлеющее зданье
И здесь же новый строить клуб,
Из бруса собирая сруб.
Погоревали о работе бесполезной,
Потом решили: старый клуб – облезлый,
Замазали немножко – через год
Опять всё, на хрен, отпадёт,
И потому жалеть его не стоит.
Снесли в три дня: ломать – не строить.
Фундамент крепок до сих пор —
Видать, цемент никто не спёр,
Когда его всем миром возводили:
«Народной стройки метод», – так говорили.
Фундамент тот же, такой же внешний вид —
С проектом новым решили не мудрить
По той простой причине,

Что в дополнение к безденежью кручины
И времени в обрез.

Проект не изменить. Непроходимый лес

Пройти придётся.

Кто в путь-дорогу соберётся,

В конце пути упрётся в жирный крест,

С каких бы ни отправился он мест.

.....

«Шумел камыш, дер-гевья гнулись...» —

Иван и Николай переглянулись:

Испуг застыл в глазах нехилых мужиков.

Увидели они, как от стволов

Деревьев, что стоят за огородом

И водят танцы вечным хороводом,

В их сторону летит Яга

На ступе, в воздухе чертя

Фигуры сложные – такого пилотажа! —

Что лётчики из группы «Русский витязь» даже

Могли бы позавидовать слегка:

И «мёртвая петля»,

И «кобра Пугачёва»,

И «чакра» от Фролова.

Когда же ступа в боевой свалилась разворот,

Подошвы от сапог мелькнули у ворот.

– Ты что бежишь? – спросил Иван, испуганно моргая.

– А ты чего согвался?

– Сам не знаю... мне показалось:
бабка в ступе выступила в бой.

– Я тоже видел, пхгиудагил за тобой.

– Так что же это – белая горячка

К нам вероломно постучалась из заначки?

– Пхога бгосать глусыть «технагь»,

А самогон упхотгеблять, как было встагь.

Для тех, кто позабыл, спешу напомнить:

В каком году – и мне уже не вспомнить,

Утратил Коля зуб в работе —

Так занесло на повороте.

Не дружит с той поры он с буквой «рэ»,

И с буквой «ша», и с буквой «пэ».

5. Дороги русские

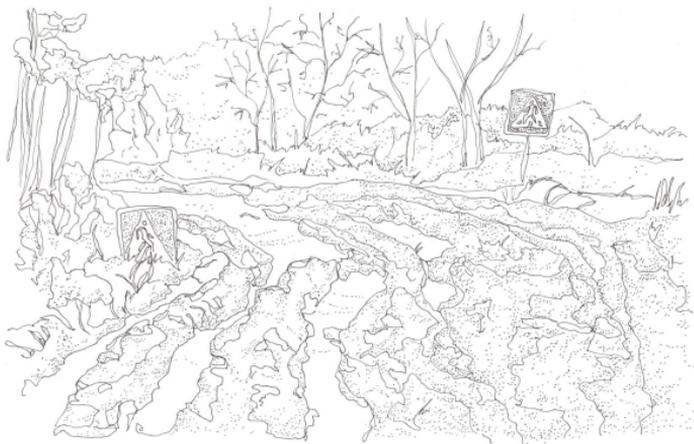
Взревела во всю мощь, округу оглашая,
Тяжёлая дорожная техника большая.
У каждой под капотом – сотни лошадей,
Объезженных, приученных работать на людей:
«А ведь когда-то дозволялось нам резвиться,
Теперь и водопой давно не снится.
Табун огромный, по отдельности – никто,
И даже не пошутить: конь в пальто.
Всегда улыбку эта шутка вызывала.
Повеселились, было дело, и немало,
На выпасе с красавицей гнедой,
С Луной и звёздами в полночный водопой.
Прошла романтика, затмила всё работа.
Для табуна – одна забота:
Объёмы грунта, щебня, и в графе кубы
Побольше в цифрах каждый месяц быть должны,
Чтобы шофёр остался добрым,
Порадовал себя сушёной воблой
И пивом из бутылки вечером,
Чтоб денег заработал на прокорм.
Без нас ему, болезному, не выжить,
Готов из нас все соки выжать.
Понять нетрудно – парень молодой,

С ребёнком и беременной женой.
Ярмом на шее – ипотека,
И выплаты – на четверть века,
А по-другому квартиры не увидеть.
Нельзя его нам, лошадям, обидеть».

.....
У грунта и щебёнки назначение одно —
Поднять и укрепить дороги плотно.
Потом катком утрамбоваться
И ровно, без ухабов, прикататься
Под шинами загруженных машин,
Одеть расплавленный асфальт, как палантин.
Когда горячий чёрный брат остынет —
Озноб и жар его тем временем покинет,—
Остаться одним целым до скончания веков —
Подобием сиамских близнецов.
Втроём отныне жизнь для них возможна,
А по отдельности – представить и несложно,
Что скажет вам любой шофёр,
Влетевший в яму на шоссе во весь опор.
Три существа, самодостаточных и разных,
Доселе ведших образ жизни праздный,—
В единое и целое их как соединить?
Задача не из лёгких. Так просто не решить!
К тому же с толерантностью проблемы
Неразрешимой могут стать дилеммой:

Как щебня род определить,
Чтоб разногласия полов не допустить?
Да подождите вы – как лошади! – смеяться!
Вопрос совсем не прост, как может показаться!
Допустим, щебень – **он** – мужик,
Со школы задавать вопрос я так привык.
Возьмём щебёнку – **она** ведь баба.
А как их различить, не ошибиться дабы?
Когда и как, в какой таинственный момент
Меняет пол несносный элемент?
Ведь мог бы с полом – как асфальт – определиться,
А не менять по ситуации своё нутро и лица.
Представьте только, что в сиамском близнеце
Один из трёх предстанет в женственном лице.
Пророком быть совсем не надо,
Чтоб предсказать приметы ада:
Просядет грунт, и вздыбится асфальт,
Смычком по нервам пьесу Баха сыграет альт.
Такое на дорогах вам встречалось?
Уверен! Не однажды попадались
Дороги, где асфальт торчком стоял.
А почему? Вопрос себе ты задавал?
А что же ты смеёшься раньше срока?!
Смешинку принесла тебе сорока?
Ну-ну, скажи ещё – на чёрненьком хвосте.
С тобой я посмеюсь, когда влетишь на встречной полосе

В миниатюрное подобие оврага,
И не поможет бумага от ОСАГО.
От мужиков одних рецепт давно знаком,
Помог он в армии и на войне,— незаменимый бром.
Присыпать гуще – исчезнут все желания,
Лишь платонические будут ожидания.
Тогда дорога ровным полотном
Домчит из пункта Б туда, где дом.
Трясти не будет вас, как грушу,
Желая оторвать чего-нибудь и скушать,
А плавно остановит у ворот,
Где вас родня давно, волнуясь, ждёт.
Надеюсь, поняли – вопрос совсем не праздный:
Не должен пол у близнецов быть разный!
Прогнивший Запад здесь нас не поймёт —
О притеснениях меньшинств белугой заорёт.
Собратся с духом нужно, чтоб не испугаться.
Зачем же сдуру нам за их морковкой гнаться?
А если струсим и пойдём на поводу,
Дороги наши будут как в аду.

Признаться честно, на Руси такие издревле дороги,
Но будем милосердны к ним, не будем строги.
Ведь столько ворогов сумели одолеть!
Где класть асфальт – подумать нужно, посмотреть.
Считаю так: в Поволжье, на Урале и в глубинке
Покрывать асфальтом можно по старинке.
А вдоль границы все дороги надо вскрыть,
Асфальт под самый корень, не жалея, удалить.
Партнёры пусть увидят: дорога ожидает.
Пусть губы подберут и в небесах беспечно не витают.

Про Бонапарта посоветуем прочесть,
Чтоб вспомнили, как растерял в России честь.
И о последних пусть прочтут «героях»,
Чтоб уяснили: щедра дорога русская, пристроит!
Кому наскучило спокойно, в мире жить —
Тому позволим по дороге походить.
Предупредим: вы нашу помощь не просите,
А как пришли, так свои ноги уносите.
На вашем же щите мы вас не понесём!
Пусть дальше удобряется метровый чернозём.

Где класть асфальт – теперь прозрели свыше.
Наверное, глухой – и тот услышал:
Спешат, ведут в деревню новое шоссе —
Там скоро юбилей. Три сотни лет уже
Стоит она, хоть чахнет и на ладан дышит,
Но наверху её проблемы слышат.
Приедут в радости всем миром поддержать,
Хвалу крестьянам и земле воздать.

Ах! Только б щебень в смеси оказался – не щебёнка:
Она, как непутёвая, разгульная бабёнка,
Не даст спокойно мужикам лежать —
Тогда закончится дороги новой благодать.

.....

Прошёл удачно первый вылет ступы.

Старушка – гордая. Остались лишние шурупы,
У деда взятые из банки с верстака:
«Припрятать надо, жизнь теперь така.
Вдруг внучке приглянется, такую же захочет?
Опять бессонные наступят дни и ночи.
Чтоб деда-жмота снова не просить,
Заранее уж лучше припасти».

А как старушка полюбила небо!
Тот не поймёт, кто там ни разу не был,
Потоки воздуха не раздвигал рукой,
Оставшись безнадёжно далеко
Внизу, лишь провожая восхищённым взглядом
Простых землян, совсем недавно бывших рядом.
Теперь у бабки Вики есть мечта —
Высота. Высота!
И сразу вспомнила она про песню,
С которой жить, конечно, интересней.
С большим подъёмом радостно поёт,
Причину радости не ведает народ:
Отличный вылет был, совсем не лажа.
Освоила фигуры пилотажа
Такие, что захватывало дух!
А как представит алконавтов двух,
В галоп рванувших за ворота,
Когда не вышла даже с боевого разворота,—

Улыбка умиления на лице —
Воспоминание о любящем отце:
«Сегодня смело мог бы мной гордиться:
Бесстрашной дочкой довелось родиться.
Добытый первый боевой трофей
Пойдёт в протирку крепежа и запчастей.
Всё подешевле содержанье аппарата —
Житьё не сахар, если „левой“ нет зарплаты.

А этот пень всё на завалинке сидит,
Что мухи вытворяют лицезрит.
Наверно, молодость, вражина, вспоминает.
Не ведаёт, баран, что я летаю».

.....
Известие летит посредством телефона:
Глава деревни древней стал Главой района.
Звенит, не замолкая, телефон,
И оба красные – Глава и он.
Заметили. Отметили. Воздали!
Районной власти жезл, как знамя, передали.
Смелей дерзай и к небесам стремись!
Подарок щедрый преподносит жизнь.
Мечтал он втайне – неожиданно случилось:
«Матрёны похвала, быть может, пригодилась?»
Прислушались верхи, что думает народ,
Не стали делать, как всегда, наоборот.

Зайти бы надо как-нибудь к старушке
И подарить на память безделушку».

.....

Такие новости доходят из столицы,
Что весь кипит и, не стесняясь, матерится
В деревне проживающий Иван,
Который пьян всегда и родом из крестьян:
– Полковника на днях поймали,
Он деньги прятал, сука, в одеяле.
Ещё матрас купюрами набил —
Не сволочь разве?! Слушать нету сил!
Нам на бутылку водки не хватает —
«Технарь» который год употребляем,
А этот (...) не знает куда деть —
Настриг аж девять миллиардов, (...)!
«Где стриг купоны?» – молчит, не отвечает,
Смеётся сыщикам в лицо: «Не знаю».
Когда борец с коррупцией – полковник – так живёт,
Прикиньте, как коррупция цветёт!
Какой доход тогда у генерала —
«Борца» из армии немалой?

Рассказ Ивана будоражит люд
В деревне, где от пенсии до пенсии живут.
Пятнадцать тысяч в месяц – очень-очень много,
А миллиарды – за гранью разума земного.

Иван, конечно, пьян, и разум помутнён.
Зачем народ пугает: «Им имя – легион!»?

.....
На местной «стройке века» обозначились проблемы —
Обычные, доказывать не нужно теоремы,
А смело можно утверждать
И без боязни биться об заклад:
На деньги наложили лапу,
Прокрутят и проценты хапнут
Финансово успешные дельцы,
Безбедной жизни удалые кузнецы.
Объёмы приняты, но идёт оплата,
И бесполезно пред иконой плакать.
Подрядчики волнуются, и мается народ,
Водя безденежный у кассы хоровод.
Помочь не может даже губернатор:
– Неделю как отправлены... – и вслед довесок матом.—
Работы нам нельзя остановить,
Берите срочно под объём кредит, —
Таким спасительным поможет он советом,
Прекрасно понимая: месяц где-то
Во тьме финансам предстоит блуждать,
Кратчайшую дорогу к хозяину искать.

.....
Сложны пути у денег, неисповедимы.
Кто сможет устоять пред ними, дорогими?

Их видеть каждый рад, их в гости все зовут,
Пред ними лебезят, им преграждают путь.
А рук у денег нет, от наглых чтоб отбиться,
И всякому насилию придётся подчиниться.
Не церемонясь лапают, желая отщипнуть,
И ног у денег нет, чтоб негодяя пнуть.
Досадно им, деньгам: опять без них хозяин.
Как маются они – счастливый, он не знает.
Спешат на всех парах,
Их подгоняет страх:
«Сумеет ли до встречи сохраниться?
Такие жадные вокруг мелькают лица.
Сгребут рукой дрожащей – и сразу же считать,
В глазах – одни нули, просвета не видать.
Слюной тягучей начинают капать
И пальцами жирнющими за выпуклости лапать.
Пересчитают – выпустят чуть-чуть передохнуть,
А впереди опять глаза – ждут в предвкушенье. Жуть!»

Такая вот нелёгкая планида
Купюр, нарядных и красивых с виду.
.....
В районном центре —
Как в эпицентре —
Трясёт, уходит почва из-под ног
Больших людей, кто в жизни много мог.

Сегодня – бывшие, никто из них не может.
Предчувствие недоброе, как зверь, зубами гложет
И вопрошает: «Сколько долгих лет
Хлевать баланду на обед?»
Совсем недавно он, Глава района,
Решал вопрос легко, без телефона.
Теперь томится, терпеливо ждёт:
Куда Фемида дышло повернёт?
Признательно раскаялся подельник —
Узнал про это в прошлый понедельник,—
С повинной в органы из органов пришёл
И этим срок скостил он хорошо.
Жаль, бывшему Главе идти с повинной поздно.
Молиться остаётся ночью слёзно,
Чтоб все заслуги прошлые учли,
Здоровье не губили, остатки сберегли.
А свято место пусто не бывает —
Другой Глава улыбкой радостной сияет.

.....
На клубе происходят непонятки —
Как будто черти, веселясь, играют в прятки:
Появится – и тут же пропадёт.
«Прорабу совершенно нет забот»,—
Судачит так народ непосвящённый,
Никем, да и ничем не облечённый.
Понятно, что болтают просто так:

Прораб – со стажем, не простак,
Происходящее он держит под контролем.
И не помеха – дозы алкоголя,
Залитые, как водится, с утра:
Мотор заводит – такие «трактора».

– Вчера кубов пятнадцать бруса было.
Исчез бесследно. Волною смыло? —
Шушукаются бабки и язвят.
На клуб посмотрят – перекрестятся:
– Свят, свят.

Прораб советует поменьше сторожам трепаться
И не высасывать сенсации из пальца:
– На стройке я вам бог и царь!
Я сам всё ведаю, мозги не парь!
Смотри, чтоб ночью ничего не пропадало,
А днем куда ушло – пускай тебя волнует мало.

Охрана не перечит, берёт «под козырёк»:
Прораб не бог, конечно, но всё-таки царёк.

.....

На праздники сейчас большая мода,
Наступит скоро день такой – ДЕНЬ ОГОРОДА.
Приедут делегации гостей
Районов, краёв и областей;

Приедут губернаторы и Главы,
А также свиты их – внушительной оравой;
Сотрудники «Известий» и «Вестей»,
Корреспонденты местных новостей;
Приедут государственные лица
И те, кто с ними хочет засветиться;
Приедут акробаты и певцы,
Танцоры, юмористы и чтецы;
Приедут популярные артисты,
К ним подойти, увидеть можно будет близко
И даже их автограф попросить,—
Листок и ручку не забудьте захватить;
Спектакль привезёт отличный
Прославленный театр столичный;
Приедет популярный до сих пор —
Известнейший всемирно – русский хор.
Нас ждёт незабываемое шоу:
Событие здесь предстоит большое —
Деревни очень древней юбилей.
Воскурят фимиам, готов елей.
Всех поразит – и в этом нет сомненья —
Авиагруппы «Ворон» выступленье.
Споют на радость ветераны «Ноги вверх»,
А завершит программу фейерверк.
.....
Закрылся районный Дом услуг.

Ползёт клопами в поселения слух,
Что сыщики из области там рыщут,
По делу громкому улики спешно ищут.
Доносит: «Что-то важное нашли.
Упрятать могут лет до шести».
Текст на дверях понятен лишь мужчинам:
«Закрето по техническим причинам».

.....

Бывают в жизни совпадения,
А может, воля провидения
Решает многое за нас,
Обозначая важный час,
Когда сойдутся где-то вместе,
Как будто куры на одном насесте,
События календаря —
И станет ясно: всё не зря!

Лет пять назад он приобрёл участок
В районном центре и тем был счастлив —
Пупыркин Саша, деревни затерявшейся Глава.
Недавно клуб купил он по дешёвке, на дрова.
Неплохо сохранился брус – не всё погнило,
На стены дома и дрова с лихвой хватило.
Теперь стоит под крышей новый дом.
Пройдёт немного времени – и новоселье в нём
Отпразднует уже Глава района,

Сияющий с вершины покорённой.

Ответит кто: простое совпадение?

А может, свыше воля провидения?

.....

В деревне древней куры взбеленились,

Кудахчут, будто газом отравились,—

Так от курятника к курятнику летит молва,

Что уезжает из деревни Голова.

В район забрали мужика, на повышение,

От *Самого* пришло соизволение.

Случилось неожиданно, и утвердили наспех:

Для дела нужно так, не курам на смех.

У облечённого доверием — заслуги,

Недавно орден прикололи — «За услуги»,

Сам губернатор торжественно вручил,

Поздравил, комплименты отпустил.

А вот Глава-предшественник доверие утратил,

Стучит костяшками в СИЗО², как дятел.

Считает дни он в ожидании суда,

Перебирая в памяти года,

Когда фортуна белозубо улыбалась.

Ещё чуть-чуть, мгновенье, малость —

В столице области осел бы навсегда.

Сейчас гадает: «Вывезет куда

Кривая?» Одно понятно — не в заветный город,

Который сердцу мил и родственникам дорог.

² Следственный изолятор.

.....
Бежит за горизонт, асфальтом радуга, дорога.
Десятки километров позади, а впереди немного

Асфальта нужно уложить, чтоб навсегда соединить
Деревню с городом – и можно дальше жить,

Встречать весельем юбилей раздольный,
Гостей приветствовать радушно, хлебосольно,
Богатый опыт передать: как надо нынче возрождать
Деревни, чтоб настала благодать.

Она в пути – спешит привычно – осень,
Плодами одарив, заботы сбросив,
Украстит золотом деревья и поля,
Крестьянину по дружбе говоря:
«Ты отдохни чуток перед зимою,
Отпразднуй урожай, я стол накрою».

.....

Прошедшие – совхозные – напомним времена,
Вокруг деревни пашут трактора.
Бурьяны тоже вспашут вдоль дороги —
По ней придётся ехать многим.
Пусть гости думают, на лавочки присев:
«Вовсю идёт озимый сев».

Глава района так распорядился.
Он по инстанциям немало находился,
Рассказывая всем про юбилей
И неухоженность заброшенных полей,
И, к счастью, не потратил время даром —
Финансы раздобыл на профилактику пожаров.
Нашлись исправные в райцентре трактора,
На вспашке трудятся с утра и дотемна.

.....
Столбы от бывших линий,
Подгнившие, в унынии,
Встречаются порой то там, то тут,
Чуть слышно песню грустную поют:

«Почта, телефон, телеграф —
Был тогда я на первых ролях.
Песни пели мне провода.
Тройкой резвой мчались года.
Веселило вороньё
Пересудами про житьё.
Думал я, что так будет всегда.
А теперь, по прошествии лет,
Проводов и ворон уже нет.
Позабыт телеграф.
Просто столб, а не граф...
Доживаю отпущенный век,
Словно брошенный человек.

Всеми брошенный человек».

.....
Расселись куры на стенах сруба —
На стенах будущего клуба.
Как на дрожжах сначала стены поднялись,
А дальше вдруг проблемы начались.

Затормозила отчего-то стройка,
До срока не успеть, маячит неустойка.
Строители уехали домой.
Одна сторожка говорит: объект живой.
Сначала сторож, словно зверь, ярился,
Курей гонял и сильно матерился.
Но куры хитрые нашли к нему подход:
Яиц оставили – теперь он не орёт
И перестал на куриц материться,
А уважительно их кличет: «Птица».
Им по объекту дозволяется ходить
И гнёзда строить где хотят, с тарелки воду пить.
Не верьте тем, кто скажет: «Куры – дуры»,—
Такие речи – от отсутствия культуры.
Не всякий сможет хама осадить,
Притом достоинство своё не уронить,
А куры, как вы видите, способны.
Отметить надо здесь особо,
Что, даже слов не говоря,
От мата отучили дикаря.

.....

– Пупыркин, как дела на клубе?
Когда сдавать намерены хапуги?
– Егор Фомич, нам к юбилею не успеть.
Подрядчики уехали, материалов нет.
Блуждают неизвестно где финансы,

На завершение в срок, увы, нет шансов.

– Чего ж ты до последнего молчал?

– Боялся лишнего я ляпнуть сторяча.

Надеялся: вот-вот всё разрешится —

Так заверяли клятвенно ответственные лица.

– Теперь ты что намерен предпринять?

Прошляпил сам – сам будешь исправлять.

– Я думаю, нам очень пригодится

Огромный опыт Северной столицы.

– Давай подробней, без фантазий расскажи —

Чай, не в столице, неуместны куражи.

– Закроем стройку баннером с изображением клуба,

На берег сцену вынесем – там вид на всю округу.

– Дерзай, Глава! Наш выбор невелик.

Нарисовать не забудь цветник.

Как темпы на строительстве дороги?

– Привлечены ресурсы очень многих.

До срока справимся. Должны успеть.

– «Народные» в программе, будут петь.

Вчера ушла для них оплата.

– Спасибо вам! Деревня будет рада.

.....

В курятнике Овдовиченко Вали

Так на досуге куры рассуждали:

– Строй демоКратии, **КО**нечн**О** же, непл**О**х,

Но, **КаК** в любых ф**О**рмациях,– издерж**К**и.

Он идеален для того, кто невосдержан —
Проку-ка-ре-качь смело может всякий лох.
А в результате – вот такой переполох!

– Ты представляешь? Клуб у них не новый!
Как настоящий! Только краской нарисован
На тряпке на какой-то на большой!

– Ку-ка-ре-ку!!! ко-ко-ко-кой!

Ну до чего же вы тупые, куры-дуры!
Вам написали: «ДОМ КУЛЬТУРЫ»!

– Мы буквы позабыли, чтобы читать,
А ты не смей, петух, нас оскорблять!

– Подумайте! В навозе хватит рыться!
В пуху, похоже... чьи-то рыльца!

– Откуда ж ты свалился к нам такой?

– Ку-ка-ре-ку!!! ко-ко-ко-кой!

– Откуда ж, грамматный такой, ты откопался?
В каких ты сметах там ещё наковырялся?

– И кто ж тебе дозволил в них глядеть?!

Они ж должны за ними были бдеть!

– Похоже, ты стряхнулся головой!

– Ку-ка-ре-ку!!! ко-ко-ко-кой!

Видать, вы, куры, газом надышались...

Где ж это видано, что бдели и боялись

Строители на смете золотой?

Не дружите вы, **Куры**, с гОлОвОй!

– **КУДАХ-ТАХ-ТАХ... КУДАХ-ТАХ-ой.**

– Ты прежде времени, смотри, не **КУ-КА-РЕ-Кай!**

А то слетаешь... с туфлями в реку.

– Нашёлся правдолюбец! Ишь **КаКОй!**

– **КУ-КА-РЕ-КУ!!! КО-КО-КО-КОй!**

6. Последняя причина

- Бабуля! Это я пришла, Катюша.
- С цветами, Катя, ковыряюсь, будто клуша,
Не слышу. Не стесняйся, проходи.
Смотри, как дружно георгины расцвели.
- Красивые, таких я не видала.
- Их третий год сажу, а клубней мало.
Как отцветут – с тобой я поделюсь,
Изгонят пусть печаль твою и грусть.
Цветы – они живые, словно дети.
Смотри, как будто платишки теребит ветер,
А глазки как анютины горят,
Встречая радостно малиновый закат.
А этот спрятался, так сразу не приметить.
Возьми. Вот, нарвала тебе букетик.
- Бабулечка, зачем? Им так вольготно тут!
- Бери, Катюш, на то они растут.
Ты просто так зашла ко мне или по делу? —
Течёт неспешный диалог, меняя тему.
- Сегодня к нам на почту позвонили,
На два часа тебя на завтра пригласили.
- А кто переговоры заказал?
- С администрации какой-то зам.
- Да как же дотерпеть смогу до завтра?

Не буду я готовить завтрак,
Чайком с ватрушкой перебыюсь,
После обеда заявлюсь.
Про сына, может, что хотят сказать?
Слуга ведь обещал. Ты как считаешь, Кать?
– Бабулечка, любимая, не знаю.
К чему гадать? Ведь всякое бывает.
Начнёшь мечтать и думать об одном,
Ночей не спать, считать минуты днём,
А там заявится совсем другое.
Придёт свой час и карты нам раскроет.
До завтра. Побежала я, бабуля,
Пока сынок и мама не уснули.
– Беги, Катюша, милая, беги.
Поклон им от меня, родителям твоим.

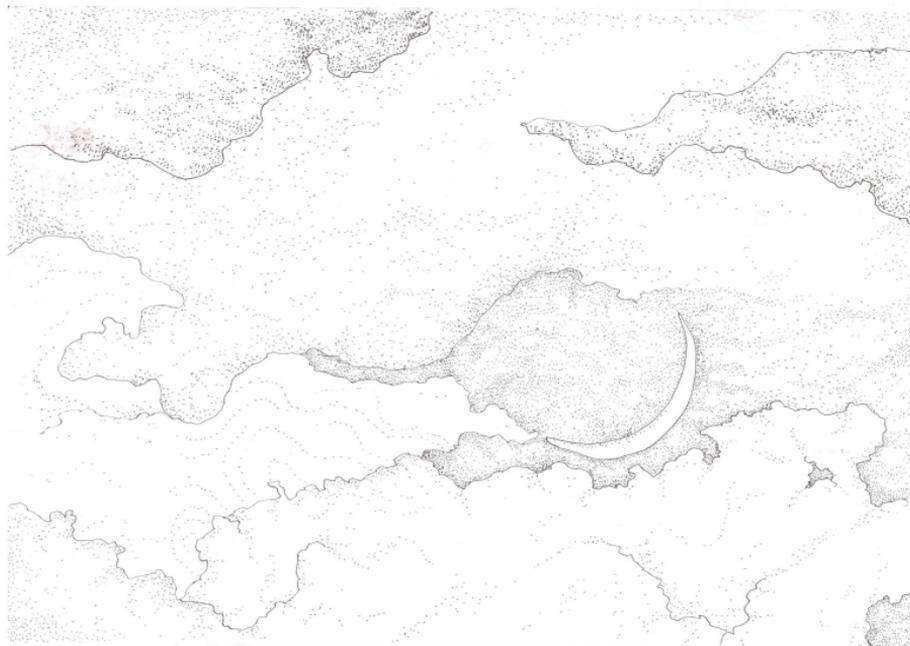
.....

Со звёздами бессонная пришла к Матрёне ночь,
Вновь сердце растревожила, и боль не превозмочь.
Надеясь, ждёт она единственного сына,
Известие о нём – последняя причина,
Чтоб оставаться одинокой на земле.
Супруг почивший, являясь к ней во сне,
Матрёну наставлял не торопиться.
В последний год он слишком часто снится:
«Матрёна, не спеши, я подожду
В беседке старой, на пруду».

Из памяти плывут родные дали:
«Всегда в работе, редко отдыхали,
А тут путёвки выделил профком.
Из нашего совхоза поехали вдвоём,
После уборки, в золотую осень.
Ещё весь лист не облетел, и неба просинь,
И облака гурьбой пришли купаться в пруд,
Смеясь, по водной глади к нам плывут,

А мы с Володей смотрим из беседки...
Минуты счастья, что же вы так редки?
С курорта Сашеньку, сыночка, привезли,
До этого, наверно, года три
Никак родить не получалось.
Безрадостно, тоскливо и печально
Не слышать в доме детский смех.
В деревне всем не до утех,
А смех ребёнка – такая радость!
Теперь и нам она досталась».

Клочками рваными спустился сон.
Воспоминания, как снежный ком,
Растущий и с горы летящий,
Минуя буерак, минуя чашу,
Вбирая мокрый и пластичный снег,
Летят, летят, и не прервётся их разбег.

Альбомы извлекла из старенького шкафа,
А в них везде – сыночек Саша:
«Вот маленький совсем, ещё и не ходил,
Он на руках, насупившись, сидит,
Держась за шею,
Серьёзный и не смеет
Улыбнуться. Вот у отца в машине, за рулём,
С весёлым перепачканным лицом.
А это первый класс, линейка в школе,
В руках букет цветов... Здесь – за деревней, в поле,
Он держит свой велосипед,
И пацаны вокруг, таких же школьных лет.
В Донецке мы – на фотографии, – в гостях у брата.
С Дебальцево сестра приехала и встрече нашей рада.
В каком же были мы году?
В живых ли сродники? Пылало, как в аду,
Кругом – по новостям в слезах смотрела. Что творилось!

Что стало вдруг с людьми? Скажи на милость,
Как можно было людям озвереть
И вместо зёрен хлеба сеять смерть?
Полгода не звонят, не отвечают и не едят.
И мне не съездить – стара, и где большие тыщи
На дальнюю дорогу отыскать?
Молиться остаётся да на Бога уповать.

Здесь Саша мой – студент, на третьем курсе,
На базе овощной с ребятами, на выгрузке капусты.
Вот снимок молодых выпускников,
Он пятый справа, во втором ряду. Смотри каков!
После учёбы на завод распределился,
Хорошую зарплату получал и через год женился.
Из института вышел инженер,
Так перестроились – остался не у дел.

Со свадьбы сына фотография, здесь нет уже Володи.
А это Саша с внучкой Катей, у меня на огороде.
Невестка в гости не любила приезжать —
Вся городская, деревни жизнь ей не понять.
В каком краю нелёгкая их носит?
Что сотворили? Господь за всё ведь спросит.

А здесь мой Саша мастер на заводе,
Квартиру дали им тогда, и всё в порядке было вроде,—

В соревнованиях участвует и, как всегда, горяч:
Футбол, он в нападении, пасует мяч.
Другому цеху в тот раз проиграли,
Досталось третье место им на пьедестале.

На Чёрном море отдыхали всей семьёй:
Невестка, внучка, Саша мой.
На фотографии – на пляже в Сочи:
Все загорелые, а Катя заливается, хохочет,
И брызги в разны стороны летят —
И на неё, и на других ребят.

Закрыли, обанкротили, и нет сейчас завода,
Специалистов тысячи остались без работы.
Торговый центр в производственных цехах,
С китайскими подделками на разных этажах.
Не надо, значит, государству оборона —
Одне друзья вокруг... как обернулось, вона!

Сын повзрослел и обзавёлся сединой.
В тот год на день рожденья мой
С Катюшей-старшекласницей в деревню приезжали,
Нарядный торт на столе и кружки чая.
Разлад в семье тогда у них пошёл.
На фотографии всё видно хорошо,
Как сын грустит, переживая, —

Печаль в глазах его большая.
Хоть вид старается не подавать —
Улыбкой вымученной не обманешь мать.

Последний снимок сына —
В нём холодом наполнена картина:
Север. Вахта. Висят сосульки на усах.
Тоска застывшая в родных глазах...»

.....
Природа августом дышала,
Тумана сбросив покрывало
На речку, на Матрёнин двор,
Деревню, спящий косогор,
Луга, где высохшие травы,
Остатки сказочной дубравы.
В ней заливался соловей —
Нет, не разбойник! – певец ночей,
Любви восторженно слагавший оды
И на рассвете зажигающий небосводы.
Но не закрыло покрывало свет
Воспоминаний промелькнувших лет.

Взяла Матрёна присланные сказки,
Открыла с интересом, без опаски
Увидеть непотребства чепуху, —
Ведь эти сказки были на слуху,

Напоминая о прошедшем детстве,
Борьбе извечной, и соседстве
Добра и зла, коварства и любви,
И о превратности изменчивой судьбы.
Не все подряд, а наугад читала,
Страницы бережно листая,
Нашла, когда чуть брезжила заря:

Про хитромудрого царя

В некоем царстве-государстве,
При холопах и боярстве,
Не сегодня и не встарь,
Жил да был когда-то царь.
Был он роста небольшого,
Но как станет молвить слово —
От бояр до бедноты
Все стоят, разинув рты...
.....
«Ничего не изменилось,
Не сошла к нам Божья милость»,—
Рассуждала так Матрёна,
Отодвинув книжку сонно.
.....
– Катюша! Не сомкнула глаз всю ночь,
И дома мне сидеть невмочь.

Былое вспомнила, страницами листая:
Сыночек, муж, сестра родная —
Как будто свиделась со всеми я.
К тебе засобиралась ни свет и ни заря.
– Бабуля, здравствуй! Ещё двенадцать.
Садись, давай уж вместе дожидаться,
Так время промелькнёт быстрей.
Тебе чайку налить?
– Налей.

.....

Порою годы пролетают,
Сорвавшись, перелётной стаей
И песню лебединую поют,
А тут
Минуты тянутся как вечность —
Резиново, вальяжно, бесконечно...

.....

Цивилизации примета – телефон.
Что расстоянье для него? Всесилен он!
Мгновенно полюса соединяя,
Людьми и судьбами, жонглируя, играет.
Бредём, послушные, за ним на поводке,
Не мы его – он держит нас в руке.
Ему плевать, что думаешь и кто ты,—
Все одинаково распиханы по сотам.
Собрат стационарный, трезвоном веселясь,

Не мог представить над людьми такую власть.

.....
Матрёна говорила и вздрогнула невольно —

Звон телефона показался колокольным:

– Меня узнала? Здравствуй, мать!

– Узнала, милый! Как не узнать?

– Звоню спросить: как выполнили просьбу?

Мне доложили: сняты все вопросы.

Работнички такие – хоть всех уволь,

Везде один – вот провожу контроль.

– Спасибо, милый, за твою заботу.

Напомни бабке старой: кто ты?

Какой теперь твой будет чин?

Глава выспрашивал. Сейчас молчит.

А я разволновалась и забыла,

Когда просила тебя за сына.

Зазря Глава ругался на звонок —

На пользу он ему и впрок:

Сейчас командует у нас в районе,

Сияет орден, как звезда на небосклоне.

«Ни у кого такой награды больше нет», —

По пьянке разболтал его сосед.

Слуга – я про тебя Главе сказала вроде.

– Ты, мать, права. Слуга я, при народе.

– Ну, значит, ничего не соврала

И не напутала, хоть и стара.

Засомневалась, часом: может быть, с галеры?

Почудилось, наверно,— вот холера!

Тебе спасибо — обещаний не забыл,

Лекарствами, журналами, очками завалил.

Ко мне домой навевывалась фельдшер —

Одной проблемой стало меньше.

В деревне строят новый клуб:

Стащили бруса не один, похоже, куб.

Дорогу к нам ведут, асфальтом кроют,

Музей открыли — нашли героя.

На праздник важных ждём гостей.

Вот сколько разных новостей!

— По клубу понял. Дам указание

Большим чинам, при должностях и званиях,

Проверку досконально провести

И воровские перекрыть пути.

— Я слышала — собаки тоже брешут,—

Как будто казнокрады тащат реже,

А за коррупцию министры аж сидят!

В районе нашем и то шерстят.

— С коррупцией не устаём бороться

И не отступим, покуда всходит солнце.

Коррупция, понятно, это зло,

Хотя в борьбе не очень нам везло,

Но оптимизма, бодрость духа не теряем.

Победа будет, но не скоро. Уверяю!

Активный подобрался комитет —
Финансы на борьбу, включённые в бюджет,
Освоены успешно и досрочно.
Заложен, так сказать, фундамент прочный
Грядущих убедительных побед,
Дождаться лишь осталось тот момент.
Расходы, если нужно, увеличим,
До каждого дойдём
И понимание привьём,
Что красть безбожно – неприлично.
– Ну, дай-то Бог, родимый, дай-то Бог,
Чтоб победить её ты смог.
Нам на тебя одна надежда,
Служи достойно, как и прежде!
– Меня не надо призывать.
Стараюсь, мать!
– На праздник обещал ты к нам приехать:
ДЕНЬ ОГОРОДА – грандиозная потеха
И очень важный для деревни юбилей,
А может, и для области для всей.
– Да, юбилей у вас немалый.
Совсем другой деревня стала.
Приехать, к сожалению, не смогу,
А так хотелось поутру
В бору набрать брусники, без отравы,
Чаёк попить, настоящий на травах.

Однако планы вынужден менять —
За океаном заждались меня.
В благоухающем рассаднике Свободы
Покорный ваш слуга стал «Человеком года».
– Для всех ты – сын, как не понять.
Везде один. Там – тоже мать.
– Поедет к вам мой первый заместитель,
Фотограф лучший, местоблюститель,
Подкованный и грамотный юрист,
Танцующий отлично твист.
Ещё он очень любит рыбок
И дарит миллион улыбок
От всей души, за просто так,
К тому же с юмором и мой земляк.
Вернётся – мне расскажет и покажет,
Что наснимает в юбилей на гаджет.
По съёмкам он большущий спец —
Весь в фотографиях дворец.
Он практикует, как юрист, с законом Мерфи,
Ты сделай с ним на память селфи.
– А про сыночка моего ты не забыл?
Узнал ли что? Я перебыю тебя, прости.
– Про сына... конечно, помню,
Но говорить об этом нелегко мне,
Поскольку не порадую ответом:
Найти не смог на свете этом,

Ну а с того мне, к сожалению, не достать.
Прости мне, мать.

Повисла в трубке тишина зловеще,
И только слышно, как листком трепещет
Под ветром северным Матрёнина душа,
С надеждой расставаясь не спеша.
Она уходит по дороге в бесконечность,
Теряется из вида, и, конечно,
Гонцы бегут, не поспевая, по щекам
В объятия приготовленным платкам.
Как много слёз они уже впитали
И просыхать порой не успевали
От горя горького и бед.
Морщины, не таясь, рисуя след
Земных страданий
Прерывистыми мелкими штришками,

Так, постепенно, создавали лик —
Подобный видеть с образов привык,
Кто обращает просьбы к Богу,
Святых заступников зовя в подмогу.

– Не знаю даже, чем тебя утешить.
Давай начнём воров хотя бы вешать,
Чтоб камеры зазря не занимать.

– Сынок, не надо, – и сквозь слёзы: – Я же мать.
Мне непутёвых этих жалко,

Гони ты их со службы палкой.

– А может, пальцы для начала отрубать?

– Не надо, сын! Ведь я же мать.

– Давай я дам тебе путёвку —

А то я чувствую себя неловко,—

И поезжай на море отдохнуть.

– Не надо, сын, я как-нибудь.

– А может, пенсию прибавить персонально?

Всем не смогу, ну а тебе – реально.

Прикупишь в супермаркете харчей

Да всяких разных мелочей.

– Фигуру, сын, боюсь, я потеряю,

И как потом ходить мне до сарая?

Не траться, дорогой, тебе нужней.

Переживу и так остаток дней.

.....

– Опять, бабуля, с радости всплакнула? —

Катюша бабушку спросить не преминула.

– Катюша, милая, сегодня – с горя.

Нет моего сыночка боле...

Не помнила сама, как шла до дома

Дорогой, наизусть знакомой.

В избе включила для чего-то свет —

Всё машинально, нужды в нём нет.

Присев, прислушалась, не разобрал сначала,—

Гитара с голосом по радио звучала:

«Так хотелось жить, жить,
В океан любви плыть,
Юности мечты
Ветром наполняя.
Но ушёл не в свой срок—
Оказался злым рок,—
Не прочтя любви строк,
Голову склоняя.

А река течёт,
Умножая счёт
Тех, кого берёт
Навсегда с собою.
Ты зачем, река,
Пряча берега,
Полнишь нам сердца
Грустью и тоскою?

Водная рябит гладь,
Не желая боль знать,
В пустоте слова
Тонут безнадёжно.
Быть другим финал мог,
Радостью звенеть слог.

Как же ты, Санёк,
Так неосторожно?

А река течёт,
Умножая счёт
Тех, кого берёт
Навсегда с собою.
Ты зачем, река,
Пряча берега,
Полнишь нам сердца
Грустью и тоскою?

А река течёт...»

Слёзы на глазах, как полноводная река,
Льются и текут, и не преграда – берега:
– Ты зачем ушёл, Санёк,
Мой единственный сынок?

7. День огорода

Шелестя резиной шин
Бронированных машин,
До деревни из центра областного,
Топча асфальт дороги новой,
Летит эскорт, сопровождающий особ,
Спустившихся на землю, чтоб
С народом вместе встретить праздник.
На перекрёстке ждёт «уазик»,
Когда продолжит дальше путь.
Шофёр успел уже вздремнуть.
А за «уазиком» – колонна
Из легковых машин и многотонных

Стоит, моторами рыча.
Глушитель маты извергает, не глуша.
Сюжет один на каждом перекрёстке,
Без вариаций, скромненько и просто.

Мелькнул от кавалькады длинный хвост
С мигалкой – чтоб не въехали, небось?
Не растворилось облако из матов,
На нём попрыгать можно акробатам,
А также всем присутствующим тут —

Оно же безопасно, как батут!
В колонне нетерпенье нарастает,
Готова к старту гончих стая,
Снимает ДПС³ наряд —
Они по жизни тормозят,—
И начинается всеобщее движенье:
В деревню, в город, вниз, на повышенье.

³ Дорожно-постовая служба.

.....
Вдоль дорог стоят кусты.
Первозданной красоты
В них, пожалуй, не осталось,
Иль совсем такая малость —
Не всегда уловит глаз
То, что создано для нас:
Пылью припорошена
Зелень придорожная.
Но бывает, что в кусты
Часто прячутся посты,
С которыми встречаться нет желаний
Ни в поздний час, ни в предраассветный ранний
Всем тем, кто оказался за рулём.

Едины мы и тем живём —
Друг другу фарами мигаем,
Условный знак прекрасно понимая:
«Будь осторожен! ГИБДД⁴
Фиксирует, снимает и т.д.».
Заранее снижая скорость —
Не наша в протоколе будет повесть,—
С улыбкой на инспектора глядим.
Он грустный, словно херувим,
И, полосатой палочкой играя,

Нас, грешников, тоскливо провожает,
Как будто знает, где закончится наш путь.
А мы спешим, не забывая встречному мигнуть.

⁴ Государственная инспекция безопасности дорожного движения.

.....
Чайка белоснежная над морской волной —
«Ауди» дорогу спутал со взлётной полосой:
То плавных волн касается крылами,
То взмлет ввысь, любуясь облаками.
– Не торопись, стажёр, постой —
То стоматолог наш на «Ауди», блатной.

.....
Летит «Фольксваген» с тёмной тонировкой.
Затормозили движеньем жезла ловким.
Как для затмения, стекло закопчено,
В салоне темень, не видно ничего.
Таится где-то в недрах нарушитель.
(Как позже оказалось – небожитель.
И неспроста стекло затемнено —
О нашем зрении пекутся, вон чего!)
Стекло водителя бесшумно опустилось,
И ксива – с яркой вспышкой – прокурорская явилась.
Весь белый в крапинку, подтаявший как снег,
Инспектор отдал честь. «Пассат» пошёл в разбег.

Глаза ослепли, как песком забились,

А голос дрогнул, обессилев:

– Стажёр, запомни! Впредь не тормози —

Чревато, от трёх до десяти.

Троих отправили, и топчут парни зону,

Не подкопаешься – всё по закону!

Теперь их жёны слёзно пишут *Самому*.

«Небесных» не дозволено касаться никому.

Воды мне принеси! глаза промою.

Я «зайчиков» словил. Не думал головою.

.....

– А почему попа мы отпустили?

Без документов он и с перепоя синий.

– Стажёр, ты шутишь или вправду идиот?!

Вдруг осерчает батюшка? Нас проклянёт.

А у меня ведь дети. Двое.

Кто в жизни их потом устроит?

.....

Инспектор побледнел и на секунду замер:

– Скорей в кусты! Бандиты! Видишь «Хаммер»?

Не дай Бог остановятся и пальцы станут гнуть,

Размахивая веерами тут.

Не надо лишний раз их трогать,

Пусть катятся своей дорогой.

.....

Членораздельных слов не говоря,

Предстал уставший в умат судья.
Он приговор читал часа четыре
Бандитам, не замоченным в сортире.
Пусть злопыхатели сочтут за лесть —
Ему инспектор тоже отдал честь.

.....

Ещё в разгаре буйный праздник.
Спешит, виляя, прёт подвыпивший проказник —
Плевать хотел на скоростной режим,
Желанием каким-то одержим.
Не видит нарушения инспектор —
Не зацепил обзора сектор,
Ужом лишь вертится стажёр.
– Да успокойся ты! В законе вор.
И этот «Лексус» всем давно известен:
Обычный, чёрный. Нам неинтересен.

.....

Кто телевизор смотрит, тем она знакома —
Крутая тётка с областного избиркома.
Имеет темпераментную дочь —
Сейчас ей снова предстоит помочь.
Не рассчитала, видно, резко тормозила,
Да так, что полысела вся резина.
Когда бы не машина ДПС —
Пошёл бы на дрова могучий лес.
Помят машины бок, мигалка отлетела,

Зато деваха осталась целой.

По кругу ходит, слов не говоря,

Вся нервная – расстроилось дитя.

– Стажёр! Девчонку успокой

И на прощание махни рукой.

Усвой башкой закон один:

Не судишь сильных – будешь не судим.

.....
Оставив службу по контракту за спиной,

Вернулся он на родину домой.

И вот стоит с инспектором стажёром,

А кажется, как будто ухажёром

Пред барышней капризной, непростой —

Он, паренёк свободный, холостой,—

Оценивая трезво свои шансы,

Когда вокруг одни нюансы.

.....
Любитель истину искать в стакане,

А ноги мыть в Индийском океане;

Вокруг него всегда да около

Летают стаей вскормленные соколы.

Ну кто его не знает? Он таковский —

И депутат, и лидер партии известной – Худиковский.

На юбилей спешил и вдруг, притормозив,

Поймал на корпус зазевавшее такси.

Конечно, братцы, он невиновен,

Но, происшествием внезапным остановлен —

Помят в интимном месте «Патриот»,—

Вошёл в пике, как недорезанный орёт,

Иммунитетом оскорблённым тычет,

Ведёт себя за рамками приличий —

Права рванул из рук что было сил,

Инспектора за палец укусил.

– В тюрьме сгною! – кричит, слюной, как ядом, брыз-

жет.—

Забылись, (...)! Я не рыжий!

В Лефортово! В Бутырку! Расстрелять!!
Я покажу вам, (...) вашу мать,
Как руку поднимать на депутата,
В трудах геройских заслужившего награды!
Повесить! Расчленить и утопить! —
Он очень долго может истерить,
На публику и на зевак играя,—
Профессия публичная такая.

– Да ну его, стажёр! Пошёл он к лешему!
Укол поедем ставить против бешенства.

.....

Крадётся вдоль обочины «Москвич»,
От старости схвативший паралич
И окосевший на оба глаза.

Остановили.

– Вот зараза! —

Не смог сдержать себя дедок.

Он так рулил, что даже взмок,

К соседям на праздник поспешая.

– Накрылся праздник! Бабки, вылезаем!

Проверку провели оперативно:

– Ваш полис, дед, увы, фиктивный.

– Да как же так? Я деньги заплатил!
– Ты этим, батя, никого не удивил.
На подлинность всё надо проверять.
– Вот залетел, ядрёна мать!

Составлен протокол, в пути эвакуатор.
– Инспектор, может быть, не надо?
Простите старика на первый раз,
На праздник с миром отпустите нас.
Пушай Закон по строгости не взыщет,
На чай возьмите сэкономленную тыщу.

Возникли тут же как из-под земли
В бронжилетах удалые молодцы,
Под их охраной дознаватель пишет.
В пакетике улика – тыща —
Так сиротливо и распластанно лежит,
Испытывая глубочайший стыд:
«Что на меня уставились, просвечивая взглядом?
И взяткой обзывают! Кому всё это надо?»

Инспектор оказался неподкупен.
Хотя без денег путь тяжёл и труден,
Но холоден и трезв его расчёт:
И преступление раскрытое пойдёт в зачёт,
И премию в размере большем он получит —

Предотвращён коррупционный случай.

– Всегда ведь брали! – не ждал старик такого.

И страж промолвил утешительное слово:

– Прости, батяня, самим несладко.

Такая жизнь пришла... и разнарядка.

.....

Словно акын, себе под нос мыча,

Страдает дед – водитель «Москвича»:

– С каждым годом пол-нит-ся

Неподсудных воль-ни-ца.

Отчего ж всегда изъян

У российских у крес-тьян?

И живём бесправ-ны-е,

Пред законом рав-ны-е.

Отпустил, почив, кол-хоз,

Но поныне там же воз.

Времена паскуд-ны-е.

Где же правосу-ди-е?

.....

Быстро ль, медленно текло —

Человеку всё равно.

Даже будет он стараться,

Напрягаться, упираться,

Но придётся поотстать —

Не такая вышла статья,

Чтоб со временем тягаться.
Триста лет, скажите, братцы,
Кто способен простоять?
Нет таких и негде взять!
Лишь один Кощей Бессмертный —
Штатный он злодей, бессменный,—
Мог такое вытворять.
Без Эдема люди смертны,
Хоть святы, хоть суеверны.
Не придут на юбилей
Жившие в деревне сей,
Кто почил смиренно в Бозе,
Кто дал дуба на морозе,
Тем сейчас они равны,
Все – преданье старины.
Не придут ни те, ни эти —
Растворились на планете.

.....

– Молчите, неУчи, ягнёнкУ дайте слово! —
Мычала зычно старая корова.—
ПУскай оставит в жизни след,
Промямлит слово напослед.

– Друзья Мои! МнЕ отчЕго-то грустно,
Тоскливо, одиноко, и капуста

Не в силах настроенье по**М**енять,
А так хотелось **М**не **М**ечтать, **М**ечтать!
Грядёт в деревне какой-то праздник.
Напившиеся **Б**е-Езобразно,
На**М**е-Едни говорили мужики:
«На речке будут жарить шашлыки».
Но ведь давно и все**М** изве-Естно
Про **М**яса врЕд. **М**не интЕрЕсно:
Пошто жЕ корнЕплоды нЕ Едят?

ЗачеМ сЕ-БЕ они врЕдят?

Отвeтствует говядина ему:

– МУ-У...

.....

Флажками разукрашена деревня,
Побелены внизу стволы деревьев,
Красуются торговые ряды,
Где изобилие товаров и еды.
Средь продавцов прохаживаясь чинно,
Наряды выбирают «Made in China»
Старушки, гости праздника, и старики.
Торговцев прикатило – пруд пруди,
В деревне жителей осталось меньше.
Пусть будет день для всех успешным.

.....

При большом стечении народа
Открылся праздник – ДЕНЬ ОГОРОДА.
Отмашку дал прибывший *Зам*,
Воздав хвалу *Ему* и небесам.
Про юбилей сказал не между прочим —
Слезой блеснули кари очи:
Проникся, значит, уваженьем к праотцам,
Наследство передавшим нам.
Со свитой жителей, гостей почётных —
Петров среди них, и, с видом благородным,

Пупыркин орденом сверкал,
Из-за него деревню мир узнал,—
Музей-усадьбу посетили чинно,
Почтив Героя, павшего безвинно.
Зам даже ленточку своей рукой поправил —
Всё в рамках протокольных правил.

Со свитой осмотрев дары полей,
Зам сделался намного веселей:

Голландская картошка удивила —
Чиста и выглядит так мило;

Сверкает золотом на солнце каждый сноп —
Украсил праздник так крестьянин-хлебороб;

Большие нынче народились тыквы —
К таким размерам люди не привыкли,
Зато Хэллоуин получится крутой —
Хотел бы я увидеть,
Заснять на видик
Того, кто ночью встретится с такою головой;

Вот молоко, которое не киснет,—
Пусть нехорошие исчезнут мысли,
Как будто что-то в нём не так,—

Оно всё натуральное – заботлив «Тетрапак»;

Вот йогурт вкусный «Тим-Бер-Данн» —
Кто б сомневался, что Богом дан? —
Корит себя Создатель, что яблок пожалел —
Решил облегчить йогуртом изгнанникам удел;

Сыры дырявчатые так благоухают
И, запах пальмы мне напоминая,
Как будто шлют из Индонезии привет.
К чему бы это? Знает кто ответ?

Ах! Как много сливочного масла!
Звезда его нисколько не угасла —
С руками рвут, ещё хотят,
И пол-Европы в очередь стоят
С времён тех давних и далёких,
Среди сибирских сёл России синеокой.
У нас же масло почему-то не пошло —
Наверно, ещё время не пришло.
Привыкли мы питаться безыскусно,
Поэтому и кажется: невкусно.
Европу просто так не проведёшь —
Лягушек кушает, и жареную вошь,
И с плесенью сыры едят,
Закатывая от восторга взгляд.

А мы-то думаем наивно,—
Плюёмся: до чего противно! —
Что с голоду метут подряд
Просроченных продуктов ряд.
Как бы не так! Культурные там страны,
А стало быть, не дикари – гурманы.

А колбаса? Какое это диво!
Сортов не счесть! И выглядит красиво.
Названий – не удержишь в голове!
Такое изобилье на столе!
Как не понять Тебя, Создатель? —
Заелся, обнаглел российский покупатель!
Ну как такое можно оправдать?
Не нахожу! Уж лучше промолчать...
Неблагодарный! Что же с ним творится?
Откуда постные, нерадостные лица?
И кошка равнодушна к колбасе —
Решила действовать как все
И даже прикасаться к ней не хочет,
Напрасно на столе оставил ночью.
Паштет от «Вискас» ей кажется вкусней —
Кто их поймёт, зажавшихся зверей?
Договорюсь когда-нибудь с утробой
И этот «Вискас» вместе с ней попробую.
Возможно, прояснится в голове,

Что держит кошка на уме.

Отдельно нужно рассказать про рыбу.

Когда б увидели, сдержаться не смогли бы,

Чтоб не воскликнуть: Боже мой!

Я слишком беден! Пошли домой.

Форель и сёмга – цена у них такая,

Как будто вправду рыба золотая!

И даже щука местная не отстаёт,

Усохла, но деньгу дерёт.

Один минтай – негордый, как и прежде,—

Вселяет очень слабую надежду.

Возможно, он, лишённый головы,

Лежит, не ведая своей цены?

Конечно, и другое может случиться —

Что просто нечем, безголовому, кусаться.

Шипит и пенится игриво

В стаканах разливное пиво.

Бутылки разномастные стоят

И этикетками нарядными кричат:

«Купи меня, ты этого достоин!

По взгляду вижу: настоящий воин!»

Скромна, как непорочная молодка,

Достоинством полна – она же водка!

А содержимое – кристальной чистоты,
К ней с уважением, потом на «ты»
Опустится всяк страждущий любитель,
Ища спасение, как верящий обитель.

Прошёлся по рядам довольный *Зам*,
Воздав хвалу *Ему*, себе, деревне, небесам:
Исчез бесследно пресловутый дефицит —
Всего полно и горами лежит!
Очередей за яствами не видно,
Из рук не рвут, ведут себя солидно,
Состав продукта пытаюсь изучать —
Надежда есть, что не разучатся читать.

Чего туда добавили? Как интересно!
И ГМО⁵, и ГНО⁶ смешали вместе,
А получился замечательный продукт:
Он пахнет так, он не протух!

⁵ Генетически модифицированный организм.

⁶ То же, что дерьмо.

В ухмылке свои губы не кривите,

А потребляйте, потребитель!
Старались исключительно для вас,
Ночей не спали,
На полке в гараже упаковали,
Во всей красе представили сейчас.

Зам к покупателям оборотился,
Скарденности и бедности болезных подивился,
Припомнив, что когда-то он читал
Писание, где был финал:
«И молвил так былинный витязь:
Коль денег нет, то вы держитесь».

До новостройки процессия дошла,
Интересуются: как движутся дела?
Глава района, губернатор покраснели —
Построить клуб до срока не успели.
– Спешить не надо,– успокоил *Зам*.—
Добротно делайте! чтоб на века.

Полюбовались клубом на картинке:
Огромный баннер,– не по старинке
Художник местный рисовал —
Дизайнер городской макет верстал.
Заулыбались гости дорогие,
Такие близкие, почти родные.

Чудны твои, Потёмкин-граф, дела!
Через года идут. Через века!

Увидев петухов на стенах сруба
И куриц праздных,— вот голубы! —
Высокий гость, смеясь игриво,
Не то всерьёз, не то шутивно,
С обидой свите говорит:
— А для кого-то клуб уже открыт.

.....
На сцене, рядом с берегом реки —
По ней пришли когда-то казаки,—
В костюмах русских хороводы:
Плывут красавицы, как лебеди по водам,
Движения так плавны и легки!
И не моргая смотрят мужики:
Такая красота! Ну как не заглядеться?!
Колотит, как в набат, шальное сердце.
Без слов кричит влюблённый взгляд:
«Ты посмотри! Ну что они творят?!»

Развесил неприлично слюни
И распускает в песне нюни
Всех любящий отъявленный блондин:
«Один, один, на всю страну один!»

.....
Народный хор сменяет хоровод,
И музыка волшебная плывёт
Под переливы тульского баяна.
Сгребла кого-то под руки охрана
И нарушителя торжественно ведёт,
А он – глаза навывкате – орёт,
Испортить хочет людям праздник.
Уже напился – вот проказник!

.....
Идёт продуманно развитие сюжета —
Отрывок показали из балета.
– А что у них движения неловки?
– Пуанты поменяли на кроссовки.

Сейчас так модно, последний писк —
Придумал наш авангардист.
Смотри, смотри, сверкнула попа!
Спектакль объехал всю Европу.
У нас в Большом билеты не достать,
А деревенщине плевать!
– Возможно, для деревни слишком смело?
Объятья мужиков,
Портреты без штанов...
– В пещерном веке задержались! Вот в чём дело!

.....

Прогноз погоды —
Как рулетка вроде,
Никто не знает наперёд:
С утра – ни облачка на небосводе,
Осадков не предвиделось по сводке,
А через час – не разрешают взлёт.
Испортилась внепланово погода:
Густая облачность – не для полёта.
Пришёл приказ: «Авиашоу отменить».
Каприз погоды – некого винить.

.....

Насупив брови, генералы свиты смотрят тупо,
Как с запада, чуть ниже туч, летит к деревне ступа:

– Откуда взялся сей летательный объект,
Упоминавшийся аж в позапрошлый век?!

– Он до сих пор как новенький, летает,
Пристроившись в хвосте вороньей стаи.

– Вот всепогодный ударный аппарат! —
Мелькнул у полководцев утраченный азарт.

– А почему на бреющем так низко?
Не происки ли это террористов?

– Вооружения, однако, не видать...

– Партнёры с Запада, наверное, летят?

– Насколько знаю, их не приглашали.
Неужто снова Руста проморгали?

– Опять погоны чьи-то полетят...

– На вид не натовский – российский аппарат.

– А вдруг противники украли разработку?
А может, продал кто за деньги или водку?

– Без дозаправки сколько может он летать?
Характеристики ведь должен кто-то знать?!

– Он топливо вообще не потребляет.

– Что говоришь?! Такое, капитан, бывает?

– По крайней мере, описаний в книгах нет.

– А может, государственный секрет?

– За столько лет давно бы проболтали:
Хранители секретов – не из стали.

– И сталь способна проржаветь,
Коль органы не будут бдеть.

– Да, капитан, обидно за державу.
В обойме есть политик ржавый,
А может, даже не один.
Их бережёт наш Насреддин.
– Чего ж не хочет расставаться?
– Привык на ослике кататься.
Подкармливают ржавые осла:
Смотри, как холка отросла!
Заматерел осёл и стал почти как лошадь.
Росточек маленький, и ногу запросто Ходже забросить.
– Конечно, ослик – всем ослам осёл!
Ходжа объедет много сёл.
– Закрыли тему, мужики. Кончаем ныть!
Сей аппарат необходимо раздобыть,
Изъять и привезти во что бы то ни стало!
Сверяем время: пятнадцать двадцать набежало.

Засуетился, как обычно, адъютант.
Его погоны говорят: он – капитан.

.....

Едва успела бабка Вика приземлиться,
Как окружили подозрительные лица
И требуют права немедля предъявить,
От ступы отойти, метлою не шалить.
Один стоит наизготовку с автоматом.
Язык не повернётся послать их матом.

– Уйдите вон, моя она! —

Нашла старуха нужные слова.—

Вам ступу не отдам, голубчики.

Ответом грубым щёлкнули наручники.

Сопротивляться мужикам неужто хватит сил?

«Черёмухи» прелестный аромат слезу пробил.

«На огороде отцвела давно, снежком опала,

А здесь душистая, как будто веток наломала.

Чего-то веки стало трудно раскрывать?

Уж не надумала ли, старая, хворать?

Нахлынули – ведь не было их! – сопли».

Смешались вместе с ними бабки вопли,

Но их не слышно в этот вечер никому —

Народное гуляние шумит на берегу.

«И даже дед, всегда сидевший возле дома,

Ушёл на берег с внучкой, вот кулёма!»

За бабушку слово некому сказать

И урезонить этих... «Как их звать?

Бандиты или чья-нибудь охрана?

Ведут себя они по меньшей мере странно.

Весь дом перевернули кверху дном

И во дворе устроили погром.

Серьёзные, спортивные ребята.

Прознать бы: из какого каганата?

Но, как назло, соседей не видать.

Зачем на свет меня родила мать?»

Допрос задержанной идёт с пристрастьем.
Такой не видели? Везунчик! Ваше счастье!

Проверку провели на «терроризм»,
Определяют: есть ли «экстремизм»?

Изъяли в доме всю литературу.

Сидят, штудируют макулатуру.

На ступу нацепили восемь пломб,

Когда уверились: подвески нет для бомб.

Теперь пытаются:

– Скажи, взялось откуда

Без топлива летающее чудо?

Никто не верит, что построила сама,

Не глядя в чертежи, без денег, задарма.

.....

Бывает лишним иногда свидетель —

Обуза всем, несложно поседеть с ним.

Мозги ломает пинкертон: куда убрать?

Когда он лишний – не надо защищать,

Не подпадает сей свидетель под программу.

Пусть лучше молится и вспоминает маму,

Как это «чудо» мама в детстве берегла.

Опять он вляпался, короче говоря.

Болтается у пинкертона под ногами

Напрасно! Он сам с усами!

Всё наперёд неоднократно просчитал,

И не помеха сей назойливый нахал.
Избавится, найдётся-таки повод,
В томах утопит ненужный довод.

Однако часто ситуация другая —
Когда свидетелей, как водки, не хватает.
Ну вот, допустим, как сейчас.
«Найти, изъять и привезти», – пришёл приказ.
Приходится потеть, копытом рыть,
И норов показать, и даже прыть,
Заумные ходы изобретая,
Переживать, что время быстро тает.

.....
Напали только что на родственников след.
Надежды мало – сумасшедший дед.
На улице тепло, а он напялил валенки и шапку.
Дед глазом не моргнул – сгребли красавчика в охапку.

.....
Концерт на лавочке дедок смотрел.
Про натуральность про свою блондин запел.
Перестарался – пел, не убеждая.
По небу пронеслась воронья стая,
И в свите начали бубнить,
Мешать и путать смысла песенную нить.
Наговорились. Успокоились. Примолкли.
Народный хор завёлся, да без толку:

Нагрязнули прыщавые юнцы
И деда под руки забрали, стервецы.
Кому мешал? Он никого не трогал!
– Что нужно от меня,– кричал,– скажите, ради Бога!
Прыщавые надулись и молчат,
Зачатков разума не выражает взгляд.
– Я что – у вас, безбожники, заложник? —
Молчат. Колёса мнут в деревне подорожник.
По сторонам прыщавые глядят,
Фильтрует проходящих острый взгляд.
Неспешно движется по улице машина,
Притормозила возле магазина.
Один прыщавый убежал,
Второй – наручник приковал
И, не моргая, пялится на деда:
Сидит он здесь – душа блуждает где-то.
Деревню, вероятно, обошла —
Блеснула робко серебром слеза,—
Простилась с бабкой, сыном, дочкой, внучкой...
Молчун прыщавый притащил её за ручку,
Весёлую и под хмельком,
С «прилипшим» пьяным мужиком.
Сказал прыщавый мужику:
– Свободен!
Пришёлся хук ему под печень вроде.
Тот понял, не скандаля, отошёл.

Расстались без упреков, хорошо.

.....

– Катюш, он что – на сцене без штанов?

– Бабулечка, ну это же Шнурков!

Такой его сегодня имидж —

В трусах, в конце концерта снимет.

В Кремле с программой этой выступал —

Аншлаг полнейший, порвал весь зал,

И долго зрители приветствовали стоя.

– О Господи! Бесстыдство-то какое!

Совсем ли, что ли, выжили с ума?

А может, я чего-то не пойму сама?

.....

– СКАзать хОчу, чтО наши утКи

Ведут себя КАК гОрОдские прОститутКи:

НаКрасились, нарядами сверКАют,

ХОтят взлететь, нО не летают,—

На стенах клуба слышен куриц разговор.

И в продолженье: – Стыд, позор!

– Там, на **К**Онцерте, зажигают п**О**д «фанеру»!

– Ты что **К**удахчешь?!

– Сам пр**О**верь.

– Не верю.

– Под фонограмму шпарит их **К**Ороль!

– А может, у него та**К**ая р**О**ль?!

Смотри, в **КаКОй** он **Клёвой** юб**Ке**!

В павлиньих перьях! Сверкают зубки

Невыразимой белизной.

– Наверно, «Орбит» нажевался дорогой.

– Смотри **сКОрей!!!** Глаза вых**О**дят из **Орбит**,

И у звезды звезда во лбу горит!

Петух здесь подал удивлённый голос:

– **КО**роль **О**дет, а будто г**О**лый!

Парча и шёл**К** не за**К**рывают срам.

КаК х**О**рошо, чт**О** не приехал *Сам*!

– Нужны певцам стальные нервы,

Чт**О**б не попробовать «фанеры».

А мы всё по старин**Ке** – «живьём» по**О**ём.
А для чего? Смотри, в **КаКОм КурятниКе** живём!

– Мы отродясь не видели
Та**К**ую грязь, святители,
Х**О**тя всю жизнь в **КурятниКе**, в грязи!
За чт**О** нам гиль**О**тина впереди?

.....
На сцене юбилея – спектакля действо:
Добро и зло, любовь, коварство и злодейство
Ведут ожесточённую борьбу.
Кто победит?.. Не ясно никому.
Ведь это жизнь, она не сказка —
Финал не обязательно прекрасный.
В заглавной роли, несомненно, – гений,
Гордится им театр «Современный»,
А также современное кино,
Но... огорошило большое «НО»:
Так вжился в роль артист народный —
Отправил скопом всех на орган детородный.
Не посланным на уточнение: какой? —
В пресс-службе позже пояснили: на мужской.

Возникла на мгновение тишина,

А следом истеричное: ха-ха...

Немой вопрос нарисовался перед *Замом*.

Зам сделал вид, что не расслышал хама.

Что значит – выдержка, закалка, гордый вид!

Не зря на кресле кожаном сидит!

Такая должность – не для слабонервных,

Слетающих на круге первом.

Зато Иван игру артиста оценил:

«Как я – народный! – Михаил».

.....

Старуху на допросе дед признал.

Не стал отнекиваться – знать, не маргинал:

– Второй был Николай, когда я родился.

На бабке при Столыпине женился.

Мы подружились с ней на Первой мировой.

Посля войны поехали домой,

К моим родителям. Невеста приглянулась.

Была послушной, им повинуюсь,

Держала с матерью в большом порядке дом.

Лет пять прожили с родичами в нём.

В колхозе до второй войны работал,

Был плотником, всегда я строил что-то.

На фронте в артиллерии служил,

С войсками Жукова вошёл в Берлин.

– А сколько ж лет тебе, дедуля?

Счастливый! Не задели тебя пули.

– Так подсчитай. Отложь свой пистолет.
Как Ленин помер – семнадцать было лет.
Ты не бойсь! Я в общем-то не буйный,
С понятием про полицаев будни.

– Ну ладно, некогда считать.

Сто пять, ты говоришь? Пускай сто пять.
Хотя на вид ты выглядишь моложе.

После семидесяти – все на одну рожу.

Скажи нам, дед: где прятал аппарат?

– При Кузьмиче сберечь помог мне сад.

Тогда дружинники с милицией шныряли,

Писали протоколы, штрафовали, изымали.

Суровым был про самогон указ.

Зарыл подальше от любопытных глаз.

Когда же править стал Бориска,

В сарай принёс, чтоб под рукой был близко.

– Какое топливо он может потреблять?

– Какое? Бражное. Должон, наверно, знать?

– Слышь, капитан, ты говорил: без топлива летает.

– Предполагал я. Никто не знает.

А где же топливные баки в аппарате?

– Ты прям как маленький! Известно где – во фляге.

– На сколько времени рассчитан бак?

– Часа на три-четыре, когда как.

Ложатся на листок слова допроса.

Давно погасла на коробке папираса.
Не успевает за рассказом капитан,
Хотя сегодня он не пьян —
Испортили, злодеи, праздник:
«Немного повезло: свидетель не отказник.
Беззубый шепелявя рот,
Он показания дознанию даёт,
Про Конституцию пока не вспоминая,
„Пургу“ несёт – по старости бывает.
Вот как бы изловчиться и успеть
Да с генералами отведать снедь
Под водочку? На то и предусмотрен
Деревни юбилей, встречаемый сегодня всенародно».

.....

Задачу важную решает капитан.
Когда сжимается кольцо из вражьих стран,
А друг вчерашний – недруг самый злейший,
Глядит в прицел и щерится зловеще,
Забыв, как хлеб он ел из наших рук,
В полях гулял, любил подруг
И вёл себя совсем не скромно,—
Огромное значение имеет оборона.
На страже он всегда – отважный генерал!
И в праздник не расслабился: засёк и распознал,
Без дорогущего новейшего радара,
Он, обладатель полководческого дара,—

Среди обыкновенных ворон —
Способный тяжкий нанести урон,
Экономичный, всепогодный аппарат ударный.
Ему потомки будут благодарны.

.....

— Где раздобыла ты, бабуся, аппарат? —

Ведут допрос и пристально глядят
Два дознавателя, прибывших по тревоге,
Лишённых праздника и привилегий многих.

— Сама построила! Ну сколько говорить?!

— «Черёмухи» не хочешь повторить?

Нам битый час здесь головы морочишь!

Наверно, хочешь!

— Не *дала*, старая, концерт нам посмотреть!

Король эстрады скоро будет петь,

В нарядах праздничных сверкая.

Ты чё такая?!

— Сознайся по-хорошему! Ведь лучше будет.

— Смотри, как юбилею радуются люди,

А нам не жрамшими с тобой сидеть!

— Ведь ты же мать! Могла бы пожалеть.

— Сыночки вы мои родные,

Бесценные и дорогие,

Сама строгала в том углу двора.

Зачем, соколики, вам буду врать?

— Похоже, по-хорошему мы не желаем?

Последний раз вопрос я повторяю!

– Вам говорю: построила САМА!!!

– Вселился в неё, видно, сатана.

Давай-ка из баллончика ей пшикни!

Григорий, долго не держи, а то привыкнет.

«Белая черёмуха душистая

Щедро зацвела в моём краю.

Только не могу никак решиться я,

Не могу открыть любовь свою»⁷,—

⁷ Популярная песня на слова Александра Жигарева.

В бреду сознание бабусино запело

И закружилось лепесточком белым.

Ручьём весенним сопли потекли,

Миндалины набухли изнутри.

«Вот старая, похоже, я простыла,

Надуло ветром в ступе с тыла.

Хотела же фуфайку приодеть!

Да испугалась под солнцем употеть».

– Ну что, бабуся? Сознание прояснилось?

– Над нами потешаешься? До слёз навеселилась?

– Соколики, любимые, построила сама.

– Вцепился крепко, держит сатана!

– Давай, Григорий, на раз-два-три
Ещё разочек повтори!

«Белый цвет
Черёмухи цвет —
Это весны
Весёлый привет.
Пусть везёт
Тому, кто верит и ждёт.
К сердцу всегда
Любовь дорогу найдёт».

– Ау?! Бабуся... вернись на землю.
– В нирване старая. Поёт и нам не внемлет:

«Белая черёмуха засыпала
Будто бы снежинками траву.

Хорошо, что вдруг мне счастье выпало,
Именем твоим его зову».

– Зачем по имени меня назвал?!
«Телегу» накатает, замутит нам скандал!
Пойдут разборки, схватим горя.
Тебя кто за язык тянул?! Григо-орий!
Ты весь пушистый, будешь в стороне,
А (...) достанутся все мне?!
– Поверь, Григорий, я не специально!

Так получилось, эмоционально.

– Охотно верю! Баллончик подержи.

Се-рё-жа! Обнови бабусе миражи.

«С веток лепестки летят и вьюжатся,

Их теперь попробуй догони.

На ветру они танцуют, кружатся,

Не даются в руки мне они».

– Ну всё, Серёжа! Претензии забыты.

Ещё разочек подновишь – и будем квиты.

.....

«Пусть везёт

Тому, кто верит и ждёт.

К сердцу всегда

Любовь дорогу найдёт».

Покладиста, безропотна бабуля,

Напевшись песен. Когда сознание уснуло,

Отключая блокировку,—

Чем дознаватели воспользовались ловко,—

Задержанная, подпись накарябав, подтвердила,

Что некий гражданин Данилов —

Известный, выдающийся учёный,

За госизмену ныне осуждённый,—

В безденежье продал ей аппарат.

Секретный он! Хотя печатные издания твердят:
Летал такой же в позапрошлом веке.
Суд разобрался, и на пленуме верховные коллеги
Единодушно согласились подтвердить:

- «1.Казнить, нельзя помиловать и отпустить.
- 2.Суд праведный. Поставил запятые верно».

Теперь дела шпиона очень скверны.

.....

Сегодня здесь догадка подтвердится:
Секрет уплыл не только за границу.
Уже изъят и опечатан аппарат.
Преступный сговор – улики говорят.
Распутывает пинкертон умело
Клубок огромный серьёзнейшего дела.
На свет выходит, что скрывалось тьмой —
Завесой непроглядной и немой:
– Когда ты познакомилась с учёным,
Разоблачённым и ныне осуждённым?
– В запрошлом годе сын мне говорил,
Что прогорел шпион один.
В закрытом городе шпион, у нас, работал.
Китайцам продал за валюту что-то,
Какой-то государственный секрет,
И осуждён он к изоляции на много-много лет.

– Как познакомилась и вышла с ним на связь?

– Я не расслышала. Чего спросил ты, ась?

– Когда у вас возникла связь?

– Когда? Давно! По молодости. Не вчерась.

Один лишь раз Степан мне улыбнулся —

И сразу мир вверх дном перевернулся.

– Как долго продолжалась ваша связь?

– Всю жизнь. Сначала сын, потом и дочка родилась.

– А что, у вас все дети не от деда?

– Чего, голубчик, ты несёшь?! Как он не ведал?

Все детки на него похожи.

Он их признал и внуков любит тоже.

– Скажи нам, бабка: кто такой Степан?

– Соколик, ты чаво? Неужто пьян?

Да это мой супруг законный!

Шесят годков мы вместе. Он не разведённый.

– Тьфу на тебя! Я про учёного спросил.

– А он, милоч, ко мне не приходил.

– А как же ступу ты секретную купила?

Ведь ты сама, признавшись, говорила,

Собственноручно подписала протокол.

Никто ведь не пытал и не сажал тебя на кол.

Григорий! Встрепенись давай, не спи!

Бабуся подзабыла. Картинки поднови.

– Держи баллончик. Твой черёд, Серёжа!

Не распыляй. Кучнее целься, в рожу.

«Белый цвет,
Черёмухи цвет —
Это весны
Весёлый привет».

.....

У дознавателя тяжёлый выпал вечер —
Обеспокоен он, а не беспечен:
– Красавица! Ты как здесь оказалась?
– Была я подшофе сегодня малость.
Зашла к подруге в магазин,
Там кавалер скучал один,
О призрачной любви печалась.
Мы романтично пообщались,
Пошли концерт забойный посмотреть.
Блондин единственный там должен петь,
За ним – король эстрады современной,
На хит-парадах статуэтки получавший неизменно,
И множество других из королевской свиты,
Пока что без регалий, но очень знаменитых.
А в завершение – о Белладонна! —
С небес должна сойти к нам примадонна.
До сцены с кавалером не дошли:
Переиначила и планы, и пути
Откуда-то свалившаяся кодла —
Цветная зелень, в прыщах вся морда.

«И вот стою перед тобой —
Как будто лист перед травой».

– Ну насмешила, простота святая!

В каких же, ты, фантазиях витая,
Здесь Белладонну собралась смотреть?

Мозги задействуй хотя б на треть:

Мероприятие публичное – не дом публичный!

На нём *Зам Сама!* будет лично.

С Америкой не дружим, в отношениях бедлам —

С чего заявится вдруг Белладонна к нам?

Она ж не дура, чтоб для санкций подставляться.

А с нас что взять? Матрёшки да раскрашенные яйца.

Таким набором диву не прельстишь:

Не взглянет кошка на вяленую мышь.

А у тебя проблемы, Вера.

Придётся позабыть про кавалера.

– Что криминального успела натворить?

На празднике ведь дозволяется шалить.

– Ну, дозволяется, но только лишь немножко,

И главное – на свой хребет не наскрести, как кошка.

Твоя бабуся умудрилась, наскребла.

Плачевны бабкины дела.

Секретных органов задеты интересы,

Чьи указания имеют много веса.

Не предскажу, на сколько лет влетит

Родной тебе по крови индивид.

Связалась бабка со шпионом зарубежным,
Допущенным к секретам, неизбежно
Его путём проторенным пойдёт.

Который нынче бабке год?

– Так у неё вы и спросите.

Не помню. От меня чего хотите?

– Спросили. Показания признательно даёт.

Изъят и опечатан ступолёт.

Свидетели Иван и Николай в допросах показали,

Что бабка в ступе, агрессивно нападая

На их вечерний пикничок,

Стащила алкоголь, закуску и ещё,

На бреющем летая низко,

Как настоящая садистка,

Мешала гражданам культурно отдыхать.

Чтоб жизнь спасти, пришлось им убежать.

Итог печален: вывихи, растяжки,

Тяжёлый нервный шок и вред здоровью тяжкий.

Улики в доме бабкином нашли,

Их опознали и признали мужики.

Связь со шпионом, покушение, разбой —

Огромный срок корячится старой.

В последний раз, возможно, бабку видишь:

Статьи серьёзные, похоже, это финиш.

– Мне жалко бабушку. Как можно ей помочь?

– Сотрудничать, признанья подписать, презентом – ночь.

Тогда и Белладонну в записи посмотрим,
И подыграем ей вдвоём,
А если друга позовём —
И нас, и на экране будет по три.

.....

Идёт вовсю концертная программа,
Застолье щедрое шумит, пока не пьяно —
Тостов ажурность можно разобрать.
Ещё не время, совсем не время спать!
Спустилась запросто с макушек хит-парадов
Вся пенсионная российская эстрада:
Императрицы, примадонны, короли...
Сыны и дочери их давно
Поют со сцены и в кино,

Уже и правнучки-певуньи подросли,
А мастера ничуть не увядают,
Секретом молодости, видно, обладая,—
За пояс затыкают молодых.

Покой и отдых – это не про них:
Всё так же коротки с разрезом мини-юбки,
Наполненные силиконом губки
Кому-то шлют воздушный поцелуй
И шепчут томно: «Со мною потанцуй».
Да так настойчиво – мурашки аж!
Специалисты, высший эпатаж!

.....

Настала ночь, и свет дневной померк,—
Накрыл небесный купол фейерверк.
Нарядной осени дополнилось соцветье
Десятком тысяч искр разноцветных.
Слышны повсюду громкие хлопки,
Катаются по небу колобки
И разлетаются, рванув, по сторонам.
Веселье, возгласы, и шум, и гам
Разрывы яркие сопровождают,
И тысячи людей, свободных от хлопот,
Разинув изумлённо рот,
Восторженно за чудом наблюдают.

.....
Как улей растревоженный, гудит сарай —
Среди курей пошёл раздрай:

– Вы, **Куры**, – дуры, вам и не **пОнять**:

Раз деньги дали – над**О ОсвОять**!

Иначе не увидите бюджету.

А вы **Кудахчете**: «Пуляют, **КаК** в **мОнету!**»

– Зачем же в небо сдуру так палить?!

– Ты чё, глухая? Ещё раз повторить?

У них пальба заложена по смете!

Важней бумаги нет на белом свете.

– Не понимаю бред я твой на слух!

Видать, их клюнул жареный петух.

.....
Как только утро за деревней рассвело,

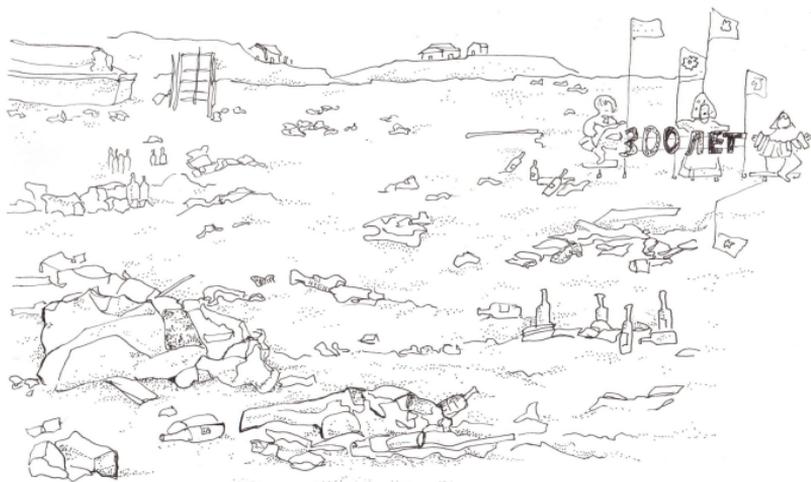
Попрятали коровы молоко,

А куры перестали вдруг нестись —

И отчего? Ну что за жизнь?!

.....
Печально видеть наших праздников итог —

Разбитые полки, завалы вдоль дорог

Ненужного, при отступлень брошенного хлама,
Ещё дымящиеся раны
Здесь насмерть бившихся бойцов,
Поживших и совсем юнцов,
Полегших на полях сражений,—
Такой финал достоин сожалений.

Не слышно радостных, весёлых голосов,
Бой барабанов, не видать цветов —
Всего того, что начиналось так парадно

И кануло куда-то безвозвратно.

И только стоны оглашают тишину,

Рисуя страшные картины про войну.

8. Генштаб в заботах

Не соблюдая никакой разметки,
Летит кортеж, а в нём герой,
Любимец Музы боевой,
Страны защитник – маршал Табуреткин.
Не глупый он, когда сумел смекнуть,
В чём ВВП⁸-системы суть:
Бери хоть сколько из корыта,
Но ослик должен быть ухоженным и сытым.
В любой момент поехать может Насреддин
В аптеку, к теще в гости, в магазин.
Не любит Насреддин в пути простоя,
Его приветствовать всем подобает стоя,
Внимать, когда он сказки говорит.
Не важно то, какой язык звучит:
Немецкий, русский или же иврит —
На них общается Ходжа почти что в совершенстве,—
Лицо должно изображать одно – блаженство.
Познал «защитник» все премудрости дворца —
Карьера в гору прёт без помощи Творца.

⁸ ВВП – внутренний валовый продукт.

.....

Вот маршал мчит на дорогом лимузине —
Едва вписался в поворот,
Обрызгал тётку у ворот,
Дымят, как заводские трубы, шины,—
Не терпится увидеть ударный аппарат,
Распаковать, снять пломбы и на деле испытать.
Доклад с низов гласил: летает без заправки,
Без топлива и без банальной травки;
Не надо для разбега полосу —
Он просто чудо! фронтовой ударный «Сту».
Глазастый генерал его узрел из свиты первый,
Без боя захватил и вывез из деревни.
Хорошее прикрытие для танков надувных,
Дешёвый и прямой удар противнику под дых.

.....
Прислуга бережно снимает упаковку,
Без суеты, одним движеньем ловким:
На месте пломбы. Все восемь штук.
Перевели сопровождающие дух.
Остались «с носом» разведки у партнёров —
Пусть учатся у нас, а не у сутенёров.
Секрет умеем мы беречь,
А также избегать ненужных встреч.
Рецепт успеха прост: встаёт не рано —
Она совсем не спит у нас, охрана.

.....

Генштаб в укрытии сидит и наблюдает:
Ударный аппарат стремительно взлетает,
Как будто плюнула мощнейше катапульта.
Изображений нет на мониторах пульта,
Радары как без глаз, стоят слепые,
И режут уши позывные:
– Я – «Ворон», я – «Ворон», мне ответьте!
В эфире тишина, но на минуте двадцать третьей
Послышались слова родные,
Такие долгожданные и дорогие:
– «Ворон»... «Гнездо» вас вызывает. Слышите?
Откуда улетел – туда и приземлился. Ищите
В других местах «Гнездо» напрасно.
Обшивку подпалило солнце красно.

Бегут. Трясётся требуха у генералов —
Хоть молодых, хоть пожилых, хоть старых,—
Желающих пилота лицезреть,
Сумевшего до Солнца долететь.

Пилот, как негр, сверкает белыми зубами.
Сучки на «Сту» исходят разноцветными дымами.
– Светило отфутболило назад,
Когда толкнул под зад его мой аппарат.
Без крема подгорел немного:
Чесалось всю обратную дорогу.

.....
Второй полёт проходит в темноте.
Когда живое спит на всей земле,
Генштаб в заботах пребывает:
Плевок... и «Сту» ракетой взлетает.
Опять всё повторилось: пропала связь,
Минуты тянутся, как вечность становясь.
– Я – «Ворон». Отзовись, «Гнездо», я – «Ворон».
А маршал тучею сидит, переживаний полон.
Уходят позывные в пустоту.
– Где ж ты летаешь, пилот на «Сту»?

.....
На пункте на командном он не смыкает очи.
В мечтах – в трусах семейных, на берегу Молочной —
Так речка называется в центральной полосе,
Средь берегов кисельных, в предутренней росе.
Пришёл испить он молочка парного,
Интимное, быть может, молвить слово
С красавицей – подругой боевой,
Для маршала – опорой и правою рукой.
Хотя не важно, может быть, и левой,
Судьба её – всегда быть королевой,
Или – совсем уж на худой конец —
Принцессой, к англичанам, во дворец.
Однако климат там не наш – сплошные хмари,
И звание – всего лишь капитан, наследный Гарри.

Амур, хотя по виду и малец,—
Большой проказник и на выдумки хитрец.
Он, как охотник не очень меткий,
Крупнее выбрал цель – повержен Табуреткин:
«В полночный час что чувствует она,
Когда на небе полная Луна,
А друг её вдали, переживая,
Часы до встречи с нетерпением считает?»

Картины пишет или же стихи?

Они воздушны, невесомы, высоки,
Как будто бабочки в цветах, порхают.
А может, тапочки от пыли протирает,
Не представляя, как страдаю без неё,
На небо глядя, где летает вороньё?»

Моргнула, вздрогнула испуганно Луна,
И разлетелась на осколки тишина...

.....
– «Ворон»... «Ворон», я – «Гнездо».

Жёстко приземлился. Есть ли кто
Поблизости от аппарата?

Мне вашу помощь очень надо.

Обледенел с макушки и до пят —

Столкнулся с Морем Холода. Отбросило назад.

Похоже, отморозил сильно пальцы,

И руки не желают разгибаться.

Пришлись бы впору рукавицы и тулуп,

Да, видно, интендант наш очень глуп:

Два тюбика мне выдал крема от загара,

А Солнце где? Луна одна мерцала.

.....

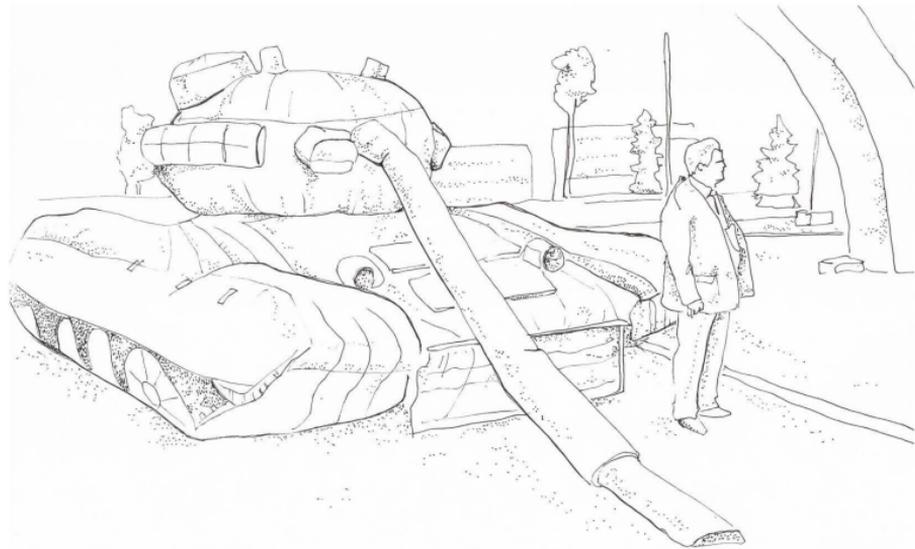
Идёт усиленно разбор полётов,

Вопросы острые вонзаются в пилота.

Бедняга весь горит, краснее свёклы стал,

А сверху душ холодный – так закаляют сталь:
– Ты почему летаешь, как в ракете, вертикально?
Мы не в «Разкосмосе», и не его задание
Тебе поручено в полётах исполнять!
– Неужто бабку нам на службу призывать?!
Она в хвосте вороньей стаи
Низенько, незаметно подлетала.
На празднике деревни лично видел
Не только я, но и тверёзый зритель.

«Хорошая предложена идея,—
Сознание от радости пьянеет.—
На бабке можно „бабки“ зарубить:
Пенсионерка – зачем ещё платить?» —
Такая мысль у Табуреткина мелькает.
«Он эффективный менеджер», – так Главный утверждает.
И утверждает, видимо, не зря —
Проблемы видит управленец, в корень зря:
Избавился удачно от недвижимых активов —
Их содержать бюджету не по силам;

Навёл порядок в танковых войсках —
Резиновых теперь, внушая дикий страх
Даже своим безбашенным воякам.
«Проблемы все решаемы, однако», —
Так любит маршал-управленец рассуждать,
Когда снисходит благодать
На берег той реки Молочной,
Где с Музой пребывает еженощно.

.....

Собрался с духом лётчик-испытатель,
Налёт часов его – три сотни с гаком:

– Позвольте мне конструкторов спросить:
Где те рули, которыми рулить?

Конструкторы в раздумьях, генералы,
А капитан – из адъютантов малый —
Покручивает пальцем у виска
И головой качает – так, слегка.

С горы сорвался снег лавиной.
Сопровождающий за недогляд повинный
Закрыв своё лицо рукой —
Оплошность вышла не впервой:
«На этот раз, похоже, взгреют.
Закончился бы день скорее».

.....

В печали дед Степан – один остался в хате.
Томится бабка, во фланелевом халате,
Считает дни при областном СИЗО.
«Ах, Вика, Вика... Как не повезло!
Ведь я предчувствовал и ждал беды от ступы:
Такие вольности не могут быть доступны.
Возьмутся люди вслед за птицами летать
Без керосина, без налогов – и плевать
На власти, на традиции, на взятки.
Откуда быть тогда порядку?
Зачем рубанок и шурупы дал тебе?»

Баран и есть баран! – и передразнил: – **БЕ-Э-Э**».

.....
Крепка старушка – той закалки, старой.

Напрасно дознаватели на пару

Пытались Вику с панталыку сбить —

Состряпать дело и пришить.

Уже «Черёмухи» не помогает запах,

И дознаватели на задних лапах

Готовы сделку ей с Фемидой предложить —

Узнать хотят, как удавалось ей рулить,

Выписывая в небе пируэты,

Свободу обещав за это.

.....
– И вправду, где? – взревел глазастый генерал,

Который ступу первым увидал.

– Позвольте доложить, – чуть слышно капитана, —

У бабки во дворе, те дознаватели – бараны,

Заткнули в угол, думали – метлу.

– Вы некомплектный привезли мне «Сту»? —

Вернулся маршал с берега Молочной. —

Даю вам день. Сюда доставить! Срочно!

Сопровождающий подстреленно стонал:

– Не доглядел я, проморгал.

.....
Ворота скрипнули слегка и отворились.

Как из ларца, два добрых молодца явились

В костюмах штатских и молчком,
Минуя деда во дворе, проникли в дом.
Прошлись по бедному жилью замёрзшим взглядом.
Обратно вышли. «Что им надо?
Приснилось мне? А может, бред?
Похоже, явь – метлы-то нет».

.....

Возобновились испытанья ступы.
Не нужен крем и тёплые тулупы,
А нужно местность научиться огибать
И незаметно подлетать
До обозначенной на карте цели,
Одной ракетой – так асы все умели —
Объект противника внезапно поражать.

Разбиты безупречно пять мишеней.
Готовят список для победных награждений
И звания готовы обмывать.
Однако этому вовеки не бывать —
Задел в полёте «Сту» за ветку,
Рассыпался. Отставлен Табуреткин.
Пилот в ушибах, в санатории лежит...
Ремонту аппарат не подлежит.

.....

Накрылась маршала карьера медным тазом.
Согласно высочайшему указу

Отправлен вертолёт изобретать —
Так изощрённо постарался наказать
Любимчика фортуны самый Главный,
Решив отсрочить конец бесславный.
Похоже, Главный – в самом деле юморист,
Известно ведь: по мебели «герой» специалист.

9.Марата житие

С заказом справились досрочно,
Курьером выслали, не почтой,
Казявина Марата житие,
В пяти томах, с запиской на листе,—
Так постарались областные краеведы,
О жизни ссыльного героя нам поведав.

Когда родился и в какой семье,
Как рос и обучался где —
Об этом повествует первый том,
Увесистый, в тисненье золотом.

Работа, подвиги во славу,
Весёлой юности забавы
Содержит в недрах том второй:
В нём проявляется герой,
Его свободный, смелый нрав.
Запреты общества поправ,
Идёт Марат к заветной цели,
И никакие пустомели
С пути не в силах парня сбить,
Запутать, переубедить.

И – о деяниях три тома:
Как он отправился из дома
В свой первый раз зимой тропить
И как сумел он раздобыть
Из меха серебристой норки —
Узрев разяву на задворках —
Ушанку, новую почти.
Не погнушайся и прочти,
Узнаешь, что такое Север —
И он сомненья не посеял!
Этапы славного пути
Туда героя завели.

Про долгожданную свободу —
Почти четыре полных года! —
Дарованных Казявину судьбой,
Насыщенных работой над собой.
Ночные бденья, тренировки,
Движенья пальцев стали ловки
И не дают режиму шанс
Прервать блистательный романс.
Как нужно было изощряться,
Чтобы навесить тунеядство?!
Впяли парню новый срок —
Решили преподать урок,
Как пальцы гнуть перед властями,
Играть в безумии страстями,
Свободой бредить и мечтой:
«Нашёлся, посмотри, герой!»

Он сроду не был тунеядцем!
Опомнитесь! Чего смеяться?!
Он ненавидел рабский труд,
И жернова не перетрут
Уверенность и убежденье:
«Мы не рабы,
Рабы не мы!» —
Продолжатся ночные бденья.

Диктат, волюнтаризм, застой
Познал сегодняшний герой.
Марат остался холостой,
Нисколько не жалея,
Одну мечту всегда лелеял:
«Свободным быть!
Спокойно жить».

За убеждение открытое за это
Сто первого подальше километра
Отправили Марата в ссылку.
И некому послать ему посылку
В деревню старую, в совхоз.
Ответно слал он в хвост
И в гриву душителей свободы и тиранов.
Как зверь, зализывая раны,
Терпел лишения, нужду,
Но не склонился к рабскому труду.

Он в несвободе так томился! —
Пока о прутья не разбился —
Железной оказалась клеть.
Но память, продолжая тлеть
В сердцах соратников героя,
На основанье рухнувшего строя
Воздвигла славы монумент —

Настал торжественный момент!
Вещает надпись с обелиска,
Что здесь Героя вечная прописка.

.....
– **БЕ-Э**-жите к на**М** скор**ЕЕ**, братцы,
Нашёлся повод пос**МЕ-Э**-яться!
Сказала Нюрка, что герой,
Лежащий ныне под сосной,
Был откров**Е-Э**-нным тун**ЕядцЕм**!
– Над че**М** прикажете с**МЕ-Э**-яться?!
– Прочла она в толстенной книге...
– Небось, завистников интриги?
– В **МузЕЕ** пыль с**МЕ-Э**-тала с книг,
РаБотала – **нЕ** до интриг!
А утомившись, прочитала,
СМотритЕлям пЕрЕсказала.
Ей директриса: рот закрой!
И вывеску прочти – Герой!
СаМа запрятала подальш**Е** книгу,
В кар**МанЕ** крутит Нюрк**Е** фигу.
– Кончайте **БЛЕ-Э**-ять, дураки!
СМотритЕ! Воду прут с р**Еки!**
От клуба клубом дым валит.
Бараны, да в**Едь** он горит!
– Теперь уж точно не достроят.
Успели денежки освоить.

– И нарисованный сгорел.

Остался сторож не у дел.

Вот огорчился бы Потёмкин!

– В дЕлах строитЕлЕй – потёмки...

10.Покров

Всё чаще осенью случаются моменты,
Когда видны приметы холодов:
Наряды выцвели, безжизненно померкли,
И очень близко, в двух шагах всего, Покров.

С его неторопливыми шагами,
Немного постояв перед дверями,
Ответа не дождавшийся на стук,
Он в дом вошёл, легонечко толкнув
Не запертые на щеколду двери,
И, тотчас вспомнив, сам не поверил,
Как залетал он в ярости сюда,
Крича Матрёне: «Старая карга!»

В райцентре купленный подарок —
По случаю, в одной из местных лавок, —
Давно Пупыркин собирался завезти —
Загладить чувство гложущей вины.
Сегодня, в праздник светлый, в день Покрова,
В родной деревне очутился снова,
У самой близкой, по отцу, родни.
К Матрёне заглянул он по пути.

С *ночи* на окнах не раскрыты занавески,
Сквозь них просеян свет небесный,
Но сумрак, даже в полдень на дворе.
Взгляд выхватил записку на столе:

«Имущество моё и этот дом,
Оставшиеся деньги с похорон
И о душе моей помине —
Всё передайте Катерине», —
Белел как снег листок один,
А рядом – клубни георгин.

Покой и тишина царили в доме.
Задумчив лик на старенькой иконе,
Что в уголке на полочке стоит.
Матрёна, словно спящая, лежит —
И кот в ногах, свернувшийся клубочком,
Похожий на большую точку.
Порядок в прибранной избе.
Часы, висящие на белой стене,
Свой мерный ход остановили,
Устав считать часы земные.
Хозяйка, к сроку завершив дела,
Святую душу Богу отдала.

.....

На голос вырос хор великий,

Разноголосый, многоликий.
Когда о доле своей тяжкой запоёт —
Господь простит и снизойдёт.
Но как же неуютно от вопроса —
К нему ответ найти непросто:
Ты отчего, Россия, испокон
Не бережёшь своих Матрён?

.....

Серые тучи, слезинками дождь —
Плачет природа, мороз ожидая.
В прошлом остались – теперь не вернёшь —
Солнце и радость цветущего мая.

Осень в природе, и осень в душе.
Чувства увяли, листвой опадают.
Лето растаяло, как в мираже,
Грустной улыбкой его провожаю.
Явь и обрывки несбывшихся снов,
Тех, что манили и звали куда-то,

Бережно снегом укроет Покров,
Чтоб сохранить в моей памяти даты
Ярких событий, мечтаний пустых,
Слабых надежд и больших ожиданий.
В поисках счастья, земной красоты
Сотни дорог бесконечных скитаний
Пройдены. Хочется верить: не зря
Все испытания нам выпадают.
Если тепло наши души хранят —
Холод зимы в своё время растает.

Явь и обрывки несбывшихся снов,
Снегом шурша, укрывает Покров.

.....

Смыло дождём вчера выпавший снег —
Осень с зимой начинает сражение.

Я, как разумный, — ведь я человек, —
Знаю, кому предстоит поражение.

Жалко мне осень — бедняжка она,
Что-то тоскливо всё плачет и плачет.

В долгих раздумьях пытаюсь понять:

Что её слёзы горючие значат?

Может, какая утрата в судьбе

Сделала жизнь беспросветной и серой?

Или в стараньях пустых, в маете

В свет и добро вдруг утратила веру?

Может, предчувствие гложет её

И ожидание скорой кончины,

Страх перед тем, что грядёт забвенье?

Может быть, всё-таки в этом причина?

Спрячу волнение, ей слёзы утру.

Тщетно. Утешить бедняжку желая,

С верой осознанной ей прошепчу:

«Ты возродишься...» — сейчас умирая.

.....

Смерть не страшна, когда придёт
От мук тяжёлых избавленьем,
Когда, отчалив, жизни плот
Развеет страхи и сомненья,
Вниз по теченью понесёт
В последний, скорбный путь астральный,
Где обнулится жизни счёт
Под песнопений звук хоральный.

Смерть не страшна, когда придёт
Земным делам всем завершеньем,
Не торопя души исход,
Дав надышаться на мгновенье,
Мгновеньем Вечности земной,
Пред той, что где-то ожидает,
Что в Бесконечности иной
И, как земная, не растает.

.....

Пока мы спорим: хорошо ли было, плохо? —
Уходит создателей эпоха.
Уверенно идёт на смену ей
Другое время – время упырей.
На вид приличные, одетые во фраки,
В пиру кровавом царствуют во мраке.
Кто может слышать – различает стон,
Ползущий, как туман, со всех сторон.

Под разговоры про благие перемены
Поверившим вскрывают вены.
Среди такой разнузданной гульбы
И толоконные мелькают лбы —
По рынку шляются, как раньше по базару,
Мешки пузатые – от нужного товару.

.....

Девятый день пошёл с тех пор,
Как опустел Матрёнин двор
И только ветер, словно вор,
Украдкой по ограде бродит,
Поживы ищет – нищий вроде,
С холщовой сумкой на плече,
Давно потерянный, ничей,
Он, слепо щурясь, смотрит в окна,
Зрачки его от солнца блёклы,
И не поймёшь, каким был цвет.
В глазах надежды прежней нет,
А если вспомнить, как, бывало,
Он помогал на перевалах,
То ветра грусть понять нетрудно:
Нет дерзновенных, нет попутных,
И помощь ветра не нужна
В делах, которым грош цена.

11.Новый праздник

В День народного единства
Вздумалось поразмышлять:
Что же новый праздник значит?
С кем кого объединять?
Разговоры о поляках
Вряд ли что-то прояснят.
Для чего – мне расскажите,—
Из Кремля их изгонять?
Ну, очистим мы палаты,
Сбросив прах от вражьих пут,—
Кремль стоять пустым не будет —
Там другие кров найдут!
Потому что русский Ваня
Не у дел и вечно пьян,
А вот если он тверёзый —
Сразу Грозный наш Иван!
На окраины владений
Шлёт тогда за ратью рать,
Чтоб от моря и до моря
Государство утверждать.
А с позиций просвещенья
Делать этого нельзя —
Так мозги нам промывают

Все заморские князья.
Потому, видать, Ванюше
Нет дороги до Кремля —
Личиком своим не вышел,
Очень мягко говоря.

С исторических позиций
Новый праздник не понять:
Что за честь одним полякам?
Многих нужно изгонять!
Может, наша современность
Изольёт на праздник свет
И покажет, в чём единство,
Есть оно иль всё же нет?
Что же их объединяет —
Кто имеет, посмотри,—
Миллиарды в инвалюте
И с копейками рубли?
Вероятно, кто-то скажет:
«Ничего не может быть,
Что способно хоть на время
Полюса объединить!
Даже вера не мешает
Им, уверившим в Христа,
Истреблять единоверцев,
Видя злачные места».

Взгляд такой пессимистичный
Я не в силах разделить
И причину оптимизма
Постараюсь объяснить:
Коммунисты, демократы,
Нищета и богачи,
Безнадёжные больные
И здоровые врачи,
Кочегары и министры,
Осуждённый и судья,
Москали и украинцы —
В общем-то одна семья!
Не зависит от профессий —
Будь хоть бомж, хоть дипломат—
Никакой! и популярный,—
Всех роднит он, русский мат!
Свет в окошке – иностранцы,
Всё коверкая подряд,
Как дойдут в речах до мата —
Без акцента говорят!
Уважают? Несомненно! —
Про обиды позабыв,
Русский мат проникновенный,
Как классический мотив!

Так чего ж искать нам скрепы,
Городить забор кривой,
Если всех объединяет
Нецензурный и живой?!
Тот, что сильно возбуждает,
Посылает далеко,
Объясняет терпеливо
И возносит высоко!
Хорошо бы депутатам
Сей вопрос пообсуждать,
Поиграть на нужных кнопках
И народу праздник дать!
В славный праздник – по закону! —
Мат повсюду дозволять:
Может, так свою природу
Сохраним? Она же – мать!

А пока, без дозволений,
Как вершину достижений,
Предъявляет грязный мат
И актёров голый зад
Современное «искусство»,
Где с новаторством негусто.

.....

Неужто нас покинул Бог
И собирает дань молох,

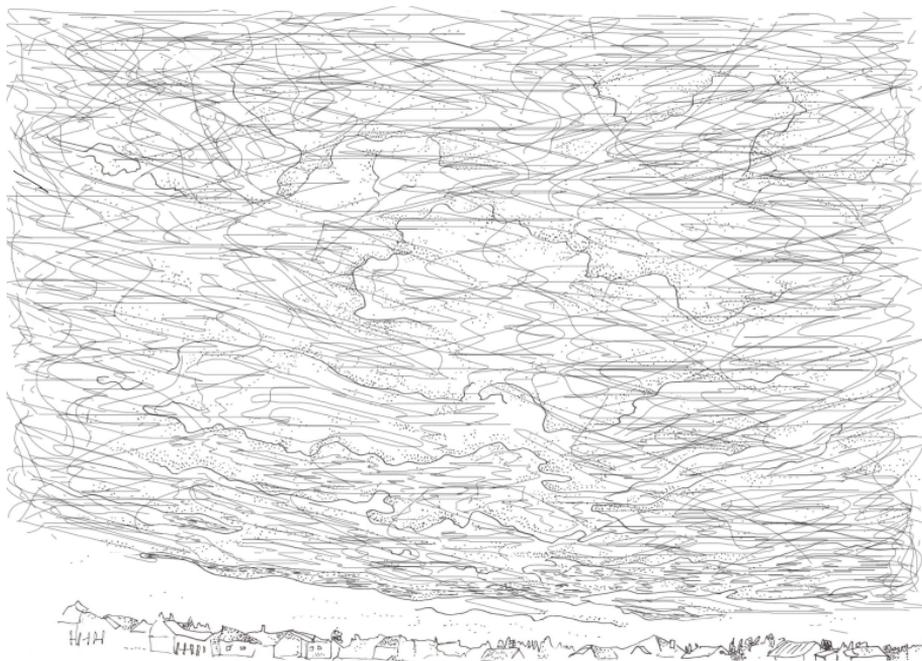
Людей, деревни пожирая, сёла,
Под тот разгульный и весёлый,
Накрывший Родину мотив,
Задумки чьи-то воплотив?
Картина пиршества чумного:
Больны душой, не лечит Слово.

А может, в том причина бед,
Что нынче праведников нет?

.....
Природа, в страхе от зимы,
Затихла, стужу ожидая.
Кружит потерянно – как мы —
В полёте сбившаяся стая.
Неведом путь, и он далёк —
К теплу, на самом крае света,
Где задержалось и живёт,
Забыв про нас, беспечно лето.
Ему – где розовая даль —
Комфортно, солнечно и славно.
У нас – лишь помнит календарь,
Что лето было так недавно.

Ненастье, сумрачная хмарь —
Картина о прошедшем лете.
Закрыв тепло, легла вуаль
Налётом серым на сюжете.
Художник краски так смешал,
И что теперь пенять на это?
Надеждой теплится душа
В полоске солнечного света.

12.

Р

.

С

.

Приходит каждый год весна,
Лишая отдыха и сна
Юнцов горячих и влюблённых
И мужиков остепенённых.
К обеду набегаёт тень
На покосившийся плетень,
На ветках набухают почки,

Рассада мается в горшочках:
Когда же высадят на грядки?
Всё как обычно, всё в порядке:
Длиннее день, короче ночь.
Чтоб воду в ступе потолочь,
Достаточно дневного света.
Земной поклон пошли за это
Тому, кто вкалывал как вол:
Удачно стрелки перевёл.

Под жаркими лучами солнца
Проснулись мухи за оконцем,
И закрутился хоровод,
Такой же, как и в прошлый год.
Недолго радуя обновой,
Сошёл асфальт с дороги новой,
Сошёл с весенними ручьями,
Но не везде, а лишь местами,
Как будто сжалился над нами,
Как будто мог, безмозглый, знать:
Чтоб эти ямы залатать,
О большем и мечтать не смея,
Очередного юбилея
Придётся очень долго ждать.

